

Красные маки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Эва Новак

18+

Эва Новак

Красные маки

<https://litres.ru/74560142>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Петербурге орудует серийный убийца, которого пресса окрестила Садовником. Он выбирает жертву, наносит один точный удар — и исчезает, не оставляя после себя ничего, кроме дерзкой, продуманной подписи. Ни одной зацепки. Ни одной ошибки.

Майор Олег Волчанов и капитан Сергей Вознесенский — два следователя, которые должны его остановить, прежде чем дело заберет Москва. Они давно работают в паре и давно научились понимать друг друга без слов — вот только в этом деле привычная слаженность начинает трещать по швам.

Тем более что у следствия наконец появляется подозреваемая. Женщина с железным алиби, которую, по всем признакам, нужно отпустить, — и к которой Волчанов не может перестать возвращаться мыслями.

Она не должна его интересовать. Он не должен хотеть, чтобы она оказалась виновна. Но чем глубже Олег копает это дело, тем яснее понимает: он давно перестал искать чужую тьму. Он ищет зеркало. А вместе с этим растет и другое чувство — что сам убийца знает о нем слишком много.

Содержание

Благодарности	4
Примечание автора	6
Глава 4	87
Глава 6	124
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Эва Новак

Красные маки

Благодарности

Хочу поблагодарить Владимира Клявина — за его великолепную песню, которая стала одним из источников вдохновения для этой книги.

Иногда одна песня способна не просто создать настроение, а открыть дверь в целый мир. Она может запустить в голове образ, чувство, сцену, а потом постепенно привести туда, куда ты совершенно не собирался идти. Именно так произошло и со мной.

Эта песня стала частью атмосферы моей истории, ее эмоционального звучания и того внутреннего состояния, из которого постепенно рождались герои и их отношения.

Спасибо за музыку, которая однажды попала в самое нужное место и помогла этой истории появиться на свет

И Bubble Comics — за историю, которая когда-то подарила мне двух героев, чья связь, преданность и особенные отношения настолько меня зацепили, что спустя время нашли свое отражение уже в моей собственной истории.

Оттуда пришли имена моих Олега и Сергея. Оттуда же — некоторые черты их взаимоотношений: та самая верность,

доверие и связь между двумя людьми, которая для меня стала одной из эмоциональных основ этой книги.

Но дальше они пошли своей дорогой.

Олег Волчанов и Сергей Вознесенский — уже мои герои, со своей историей, характерами, выбором и судьбой.

Спасибо всем, кто когда-то стал частью моего вдохновения.

Примечание автора

Перед вами моя первая серьезная книга.

Я долго к ней шла, много раз что-то переписывала, меняла, сомневалась, возвращалась к уже написанному и снова пыталась сделать его таким, каким видела у себя в голове.

Наверняка в этой книге есть шероховатости, спорные решения и моменты, которые сегодня я написала бы иначе. Возможно, какие-то детали покажутся кому-то несовершенными. Но эта история создавалась именно такой — со всеми ее особенностями, эмоциями и тем, что мне хотелось в ней сказать.

Поэтому я просто отпускаю ее к читателю.

Надеюсь, вы почувствуете эту историю так же сильно, как когда-то почувствовала ее я.

О вымысле

Эта книга является художественным произведением.

В романе используются реальные города, улицы, здания, районы и другие существующие географические и архитектурные объекты. Их упоминание связано с художественным замыслом и не означает, что описанные в книге события действительно происходили в этих местах.

Сюжет, персонажи, их действия, взаимоотношения и обстоятельства являются вымышленными. Реальные места могут быть изменены автором, дополнены вымышленными де-

талиями или использованы в обстоятельствах, не соответствующих действительности.

Любые совпадения между вымышленными персонажами и реально существующими или существовавшими людьми, если они не являются намеренной частью авторского замысла, случайны.

Названия реальных организаций и учреждений могут использоваться исключительно в рамках художественного повествования.

Глава 1

15 августа

02:06 Главное следственное управление

Кабинет в Главном следственном управлении напоминал одновременно архив и полевой штаб. Из-за четырехметровых потолков дореволюционного здания казенный свет казался рассеянным и не до конца разгонял полумрак по углам.

Занимая добрую половину кабинета, в трех шагах от окна стояли два сдвинутых стола, разделенные лишь мониторами и глухой стеной из картонных томов уголовных дел с вечно распущенными завязочками. У стены угрюмо высились два тяжелых сейфа с облупившейся зеленой краской — внутри них, под замками, покоились чужие сломанные жизни и тайны. У другой стены стоял старый диван. Воздух в комнате был плотным, пропитанным запахами остывшего кофе и неистребимой питерской сырости.

Время перевалило за два часа ночи.

Майор Олег Волчанов неподвижно стоял у открытого окна, вглядываясь в темную панораму гудящего на низких нотах ночного Петербурга и маслянистую, тяжелую воду Мойки, в которой дрожали желтые отражения фонарей. Середина августа наконец-то вернула городу нормальные, черные ночи — те самые, в которых можно было спрятать что угодно. Воздух с реки уже тянул первой стылой прохладой, но не помогал разогнать липкую усталость. Олег запустил руку в карман куртки, нащупал несколько обжаренных кофейных зерен, закинул одно в рот и с глухим хрустом разгрыз горькую сердцевину. Едкая кофейная горечь мгновенно ударила по рецепторам, проясняя мысли.

Четыре месяца Петербург жил под шепот газетных заголовков и тревожных выпусков новостей.

Садовник.

Имя придумали журналисты, но оно прижилось слишком быстро. Люди любили сказки. Особенно те, где чудовище убивает других чудовищ. Насильников. Торговцев наркотой. Бандитов. Отбросов, на исчезновение которых многие реагировали не ужасом, а облегчением.

Четыре месяца они гонялись за призраком. И все это время Садовник не оставлял ничего, кроме трупов и насмешливых маков.

И теперь впервые в руках оказалось хоть что-то материальное. Не анонимный силуэт на размытой записи. Не свидетельские фантазии. Не журналистский шум.

Конкретный человек. Конкретная машина. Конкретное время.

Возможно, этого было недостаточно для обвинения. Но более чем достаточно, чтобы вцепиться и не отпускать, пока не будет проверена каждая мелочь.

Сутки назад Садовник оставил в Питере свой очередной «трофей», и все это время первый отдел по особо важным делам стоял на ушах. Рутинная, тошнотворная пробивка сотен машин по системе «Паутина» и городским камерам наконец выстрелила пять часов назад. На оформление, задержание и транспортировку ушел еще не один час. Подозреваемую взяли дома и доставили в отдел.

Дверь кабинета с грохотом распахнулась. Ввалился капитан Сергей Вознесенский — взъерошенный, с сигаретой в зубах и бормоча под нос песенку, в которую Олег не вслушивался.

Олег оторвался от окна и повернулся. Сергей со шлепком швырнул на стол тонкую папку с досье. Папка упала наискось, перегородив стопку рапортов. Олег подошел ближе, и правая рука дернулась сама собой: пальцы аккуратно, до миллиметра выровняли картон, выстроив его идеально параллельно краю стола. Когда внутри начинался хаос, Олегу становилось жизненно необходимо навести порядок хотя бы вокруг себя.

— Чисто на бумаге — ангел, Олег, — Сергей устало растрепал волосы и сам занял место у открытого окна. Щелк-

нула зажигалка. Он глубоко затянулся, выпуская сизый дым на улицу, прямо в сырую темноту Мойки. — Алана Сафина. Без приводов, штрафы только за парковку, тише воды. Но ее машина заехала в этот проклятый переулок за десять минут до расчетного времени смерти Воронова, а выехала через пятнадцать после. Других машин в этот временной промежуток не зафиксировано.

Олег открыл папку и уставился на снимок подозреваемой из паспорта. Вроде обычное лицо, ничего примечательного. Но в груди бешено, горячо заколотилось сердце. Мысль о том, что этот гениальный палач — хрупкая женщина, и она прямо сейчас находится в Управлении, вызвала у него почти физический трепет. Неужели Садовник — это она? Ему жизненно необходимо было заглянуть ей в глаза.

— Посмотрим, какой она ангел, Серый, — Олег перехватил папку со стола. — Сейчас все и узнаем.

Сергей усмехнулся:

— Люблю твой оптимизм.

— Это не оптимизм.

— А что?

— Усталость. Идем.

Они вышли из кабинета, закрыли тяжелую дверь на ключ и спустились по широкой лестнице со второго этажа вниз, в цокольное крыло первого. За глухой железной дверью «отсечки» сразу изменился воздух — пахло краской и дешевой хлоркой.

У самых дверей допросной, удобнее перехватив бутылку воды и полупустой стаканчик с кофе из автомата, Сергей предупредил:

— Олег, у нее вторая форма допуска. Закрытый НИИ Минобороны. Если облажаемся, завтра с утра здесь такой цирк начнется — мало не покажется. Набегут особисты из ФСБ, военные следователи, черт знает кто еще. Будут ходить тут с умными рожами и объяснять нам, какие мы идиоты.

Олег хмыкнул.

Вознесенский имел неприятную привычку заранее раздувать любую проблему до размеров государственного переворота. Иногда он ошибался. Иногда — нет.

Минобороны — это не районный отдел, который можно утихомирить звонком прокурору. Это другой уровень давления, другие люди, другие последствия. Олег это понимал совершенно трезво. Он все равно шел на это. Потому что единственная машина в переулке в момент убийства — это не повод для осторожности. Это повод копать, пока не поздно.

— Большие погоны сейчас спят, Серый. Цирк начнется часов в девять утра, когда они протрезвеют от новостей. До этого момента она наша.

Под безжалостным ярким светом, лицом к зарешеченному окну сидела их задержанная. Она зажала ладони между коленями. Из наспех собранного карандашом пучка выбились и мягко падали на лицо тонкие пряди растрепанных волос. При их появлении она подняла голову.

В углу, на стуле у стены, сторбился заспанный парень лет двадцати пяти в мятом костюме с чужого плеча — дежурный адвокат, поднятый по 51-й статье ради галочки в протоколе. На вошедших он даже не взглянул, увлеченно тыкая пальцем в телефон.

Олег жадно оглядел подозреваемую. Но столкнулся с максимальной безобидностью. В своем бежевом объемном худи, которое скрывало фигуру, она выглядела как уставшая студентка или типичный лаборант. Светлые тона делали ее визуально меньше, стирая угрозу. Мозг Олега не воспринял этот пухлый бежевый хлопок как опасность. Но он не стал делать поспешные выводы.

Олег сел напротив и машинально выровнял диктофон по краю бланка. Внутри росло странное волнение, которое он тщательно прятал за тяжелым, сверлящим взглядом. Сергей устроился рядом. Олег посмотрел девушке прямо в глаза — хмуро, внимательно, выискивая первую трещину.

Она подняла руки. Ее пальцы мелко, судорожно дрожали. Олег сразу зафиксировал ее позу. Лана плотно прижала локти к бокам, а тонкие кисти подняла перед собой, чуть согнув в запястьях — беззащитно, точь-в-точь как поджавший лапки котенок. Этот нелепый, инфантильный жест с руками делал ее настолько миниатюрной и невинной, что обвинять ее в жестоких убийствах казалось сумасшествием.

— Я — старший следователь по особо важным делам, майор юстиции Волчанов. Это мой коллега, капитан юсти-

ции Вознесенский. — Олег говорил нарочито тихо, создавая обманчивое ощущение безопасности. — Вы допрашиваетесь в качестве подозреваемой по уголовному делу, возбужденному по факту убийства гражданина Воронова. Права, предусмотренные 46-й статьей УПК и 51-й статьей Конституции, вам понятны? Вы имеете право не свидетельствовать против себя. Но я обязан предупредить: все ваши показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, даже если впоследствии вы от них откажетесь.

— Да... — вышло у нее совсем тихо.

Сергей подвинул к ней бутылку с водой. Она свинтила крышку и быстро сделала несколько глотков.

Олег монотонно, но четко зачитал стандартную «шапку» протокола, пододвинул бланк и ручку.

Алана поставила подписи и вернула ручку на стол.

Олег уже собирался продолжить, но на секунду замер. Ручка лежала идеально параллельно нижнему краю бланка. Точно так же, как несколькими минутами раньше он сам выравнивал диктофон.

Совпадение, конечно. Но почему-то он отметил это автоматически.

— Что ж. Давайте начнем с самого начала. Ваше полное имя.

Ее внимание, густое и тяжелое, сфокусировалось исключительно на Олеге, словно в этой комнате их было только двое.

— Сафина Алана Андреевна.

Олег сделал пометку в бланке.

— Алана...

— Лана.

Он поднял взгляд.

— Что?

— Просто Лана. Меня никто не зовет Аланой.

Она смотрела на него растерянными глазами, в которых читался шок человека, чью жизнь только что переехали танком. Никакой наигранности, никакой защитной агрессии.

— Лана, — мягко, но с нажимом произнес Олег. — Гражданин Воронов был убит прошлой ночью. Ваша машина находилась на месте преступления.

Чтобы добавить, он положил руки на стол и наклонился ближе, бесцеремонно вторгаясь в ее личное пространство. Он пытался разглядеть чудовище за этой хрупкостью, но лишь с удивлением почувствовал запах апельсина.

Реакция Ланы оказалась мгновенной. Стоило ему приблизиться, как у нее со свистом перехватило дыхание, словно от внезапной панической атаки. Жилка на шее забилась с бешеной скоростью, а взгляд на долю секунды беспомощно, почти умоляюще соскользнул на его губы, будто в ожидании слов «Вы свободны», прежде чем она отвернулась к стене. На бледных щеках выступил едва заметный, лихорадочный румянец.

«На пределе», — отметил про себя Олег, фиксируя этот

адреналиновый шторм. Кожа на его собственных кулаках натянулась от напряжения. — *«Физиологию не обманешь. Бьются до обморока».*

— Я не понимаю. Я не знаю никакого Воронова. Какое место преступления? — ее голос дрогнул, она снова посмотрела на Олега.

Сергей, словно устав от этой тонкой психологической игры, резко развернул к ней планшет. Олег едва заметно поморщился: напарник ломал его настройку.

— Знакомое лицо? — бросил Вознесенский.

На криминалистических фото из морга отчетливо виднелось лицо убитого, глубокое отверстие от клинка в груди и три ярко-алых бутона мака.

При виде кадров глаза Ланы расширились. Она вздрогнула, прижимая ладонь ко рту, и резко отодвинула планшет от себя.

— Господи, — прозвучало бормотание сквозь пальцы. — Вы шутите? Это из новостей. Маки. Вы думаете... вы думаете, что я — Садовник?!

Олег внимательно вглядывался в ее лицо, пытаясь нащупать фальшь. Некоторые люди инстинктивно выбирали одного собеседника и игнорировали остальных. Лана делала именно это. Стоило ей на секунду отвлечься на Сергея, как взгляд почти сразу, точно намагниченный, возвращался обратно к Олегу.

— Ваша машина стояла в переулке, где этот Садовник

проткнул Воронову грудь, — жестко отрезал Сергей.

Клац. Клац.

Сергей поигрывал металлической Zippo. Затем достал сигарету, а пачку небрежно швырнул на стол. Белый дым начал расплзаться по тесной допросной.

Лана на мгновение перевела взгляд на капитана. Ее пальцы нервно переплелись.

— Будете? — машинально предложил Сергей, кивнув на пачку.

— Да, — ответ вылетел слишком быстро. Она тут же осеклась. Опустила взгляд на свои сцепленные руки. — Нет... лучше не надо. Я сегодня почти ничего не ела. Меня с одной сигареты развезет.

Сергей пожал плечами, выпуская дым.

— Где вы были вчера ночью в промежуток от двух до трех?

Лана снова посмотрела на Олега. Прямо и открыто, стойко выдерживая его сверлящий взгляд.

— У меня тяжелая форма мигрени. Обычные анальгетики не помогают. Я химик, я знаю составы.

Олег прищурился. Химик. Он снова скользнул взглядом по её рукам. Коротко остриженные ногти, пересушенная кожа, воспаленные кутикулы. Теперь этот след от жестких промышленных растворителей обретал двойной смысл. Легальная профессия? Или грамотное уничтожение улики?

— ...и нужный мне сильный препарат в это время был

только в круглосуточной аптеке на углу, — продолжила она, не повышая голоса. — Я купила его и отъехала в первый попавшийся темный переулок, чтобы выпить таблетку.

— И почему не поехали домой? — уточнил Сергей, делая пометки в блокноте.

— Я не могла вести, — ответила она лично Олегу, и голос стал чуть глуше. — Фары встречных машин резали глаза до тошноты. Мне нужно было посидеть с закрытыми глазами минут двадцать, пока боль не отступит. Проверьте камеры в аптеке, они всё записали. А чек остался в машине, в бардачке.

Олег слушал ее ровный лепет про мигрень, а пальцы тем временем снова выравнивали ручку параллельно краю протокола. Потом диктофон. Он нуждался в идеальном порядке на столе, потому что внутри него, глядя на эту женщину, просыпался первобытный, совершенно неконтролируемый хаос.

Она определенно волновалась. Тело выдавало ее с головой: этот румянец, пульс, нервно переплетенные пальцы, торопливое «да» на предложенную сигарету. Но при всем этом она не истерила. Не срывалась на слезы, как сделала бы почти любая обывательница, которой в два часа ночи шьют серию жестоких убийств. Она просто сидела, выдерживала его прессинг и выдавала абсолютно логичный, проверяемый таймлайн.

За ее хрупкостью явно чувствовался стержень. И этот дис-

сонанс будоражил Олега. Обычный человек путается в деталях и паникует. Лана же защищалась грамотно и спокойно.

Олег сидел напротив человека, который, возможно, избавил город от очередной мрази. В другой ситуации он бы пожал ей руку. Но сейчас он был обязан хмурить брови, зачитывать статьи Конституции и имитировать заботу о «зако-не», который он сам вертел на оси.

Олег всмотрелся в ее лицо — не глянцевою красоту с обложки, а что-то более конкретное: чуть раскосые от природы глаза, высокие скулы, что-то неуловимо восточное в чертах. На чей-то вкус это лицо было бы просто симпатичным, не более. При росте выше среднего сложена она была совершенно обычно — никакой модельной subtilности, обычное здоровое тело молодой женщины с мягкими линиями. Хрупкой она казалась совсем по другой причине: рядом с его собственными почти двухметровыми габаритами любой человек начинал выглядеть меньше, чем был на самом деле.

Он скользнул взглядом по ярким волосам. Внутри шевельнулся Звереныш, будто почувствовал нечто знакомое. Если она Садовник, могла ли его тьма срезонировать с ее тьмой?

— Вы что-нибудь видели? — спросил он. Легенда химика с мигренью звучала складно. Слишком удобно.

Она дрожала, но когда Олег случайно задел краем своей папки ее пальцы, дрожь внезапно прекратилась. Она замерла, словно парализованная этим мимолетным контактом, а

ее взгляд скользнул по его руке с пугающей, почти болезненной концентрацией.

— Нет.

— Слышали?

— Нет.

— Людей? Машины? Крики?

— Нет.

Олег выдержал паузу. Слишком много «нет».

Он достал из кармана кофейное зерышко и с хрустом раскусил его, пытаясь разогнать накатывающую усталость.

Лана проводила это движение внимательным взглядом.

— Давно не спали?.. — едва слышно спросила она.

Сергей тихо кашлянул дымом. Бросил бычок в стаканчик, в котором на доньшке оставалось немного кофе. Олег потер пальцами темную бороду.

— Вашу машину прямо сейчас вскрывает эксперт-криминалист, Лана, — осведомил ее Олег. — Под видеозапись и в присутствии двух приглашенных понятых. Чек из бардачка они достанут, не переживайте. Но вы утверждаете, что сидели в двадцати метрах от места казни и ничего не заметили. Для любого нормального человека это звучит как отговорка.

Легенда была стройной. Мигрень. Аптека. Чек в машине. Темный переулок. Каждая деталь лежала на своем месте так аккуратно, словно ее заранее отрепетировали.

Она медленно, как-то надломлено откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди, будто пытаясь унять дрожь.

— Статья 51-я, — шепотом произнесла она. — Я... я не знаю, что говорить. Мне нужен адвокат. Я не буду отвечать на вопросы без защитника. *Нормального* защитника.

Сергей вздохнул и вопросительно посмотрел на напарника. Олег поднял руку, останавливая его. Для обычной испуганной женщины это была вполне логичная реакция — закрыться и потребовать юриста, когда тебя прессуют.

Он выключил диктофон. Кнопка громко щелкнула в наступившей на мгновение тишине.

Олег пододвинул протокол сначала Лане — расписаться, потом дежурному адвокату. Та расписалась быстро, не глядя, будто хотела, чтобы все это поскорее закончилось. Парень тоже черкнул подпись напротив своей фамилии, подтверждая, что присутствовал при разъяснении прав, и, явно обрадованный внезапной свободой, сгреб со стула куртку и телефон и практически вылетел за дверь, не прощаясь.

— Имеете полное право, — Олег поднялся. — Серый, мажни операм из сопровождения, пускай вызывают конвой до ИВС. А я пока выпишу постановление на обыск в ее доме — проведем по неотложке.

Лана вскинула голову.

Олег встретил ее взгляд совершенно спокойно.

— Единственная машина в тупиковом переулке в момент убийства. Подтвержденного алиби нет. Версия не проверена. Пока — ИВС. Вопрос о мере пресечения решим в установленном порядке.

Сергей уже поднялся со своего места.

— Понял.

— И передай мужикам, что мне срочно нужны камеры с аптеки. Полностью. От парковки до кассы. Если она действительно там была — увидим.

Олег снова посмотрел на Лану. Он поймал ее взгляд: зрачки были расширены до предела, почти поглотив радужку. Так бывает при мощнейшем выбросе адреналина. В состоянии крайнего ужаса.

«Или экстаза», — мрачно отметил он про себя.

— Если ваша история подтвердится, это будет нам только на пользу. Если нет — ситуация для вас станет гораздо хуже.

Ни обвинения. Ни угрозы. Просто констатация факта. Именно поэтому она звучала гораздо неприятнее.

— Вызовите моего адвоката, — тихо повторила Лана.

— Обязательно, — Олег кивнул. — И пока он едет, мои люди перевернут вашу машину до последнего винтика, снимут все смывы и поднимут посекундно видео с аптеки. Они проверят каждое слово, которое вы сегодня сказали. Если в вашей истории есть хоть одна трещина — я ее найду.

Он взял со стола папку.

— Если вы действительно случайный свидетель, вам нечего бояться.

Но сам Олег в это уже почти не верил.

Сергей подал голос:

— Пойду свяжусь с операми.

Он вышел.

— Мы вызовем адвоката, гражданка Сафина, — сухо закончил Олег. — А пока вы посидите в камере. У нас есть сорок восемь часов.

Когда юрист приедет, это будет не заспанный дежурный адвокат, а холеный, зубастый мужик с корочками, который с порога начнет разваливать протокол Олега и угрожать жалобой в Генпрокуратуру. Но майор был готов к любым рискам.

Несколько секунд Лана просто смотрела на него. После слов про адвоката она словно собралась, дыхание выровнялось. Странно спокойно. Словно слова про ИВС, обыск и сорок восемь часов под стражей почему-то не произвели на нее ожидаемого впечатления.

Плечи ее заметно опустились. Пальцы все еще подрагивали, но теперь эта дрожь казалась другой. Не такой судорожной, как раньше.

Или ему только показалось.

Уголок ее губ дрогнул. Почти улыбка. Почти насмешка. Но недостаточно явная, чтобы быть уверенным.

— Мне приятно знать, что вы потратите столько времени на мою скромную персону, товарищ майор.

В ее голосе не было вызова. И именно поэтому фраза прозвучала еще более неуместно.

Олег нахмурился. Этот интимный момент заставил его помедлить.

— Вы будете думать обо мне, пока я буду переворачивать

ваш дом, Лана, — голос Олега опустился до тихого, жесткого полупшепота. Каждое слово было отчеканено со сосредоточенной решимостью профессионала. — И мне будет очень интересно, что именно я там найду.

Он повернулся и сделал шаг к выходу.

— Только, пожалуйста, не трогайте мои трусики, — негромко, но чертовски отчетливо проговорила Лана ему в спину.

Олег застыл. Он уже успел нажать на ручку и потянуть дверь на себя, так что фраза полетела в образовавшуюся щель и выкатилась прямо в коридор. А там, буквально в шаге от порога, стоял Сергей с бланками в руках, собираясь войти.

Капитан застыл с занесенной для стука рукой. Его брови поползли вверх.

— Олег, там... — Сергей осекся. Капитан перевел взгляд с замершего напарника куда-то ему за плечо. Олег затылком почувствовал этот тяжелый, немигающий взгляд подозреваемой, от которого между лопаток закололо.

В допросной повисла душная пауза. В глазах Сергея загорелся откровенный, издевательский интерес.

— ...Олег, там руководство рвет и мечет, требует первых результатов, — тише закончил Сергей, едва сдерживая ухмылку. — Ладно. Я, пожалуй, пойду. Не буду вам мешать... работать.

Олег жестко перехватил папку с досье. Он толкнул Сергея плечом, выходя в коридор, и захлопнул за собой дверь

допросной.

— Даже не начинай, Серый, — бросил Олег на ходу, направляясь к лестнице.

— А я че? Я ниче, — Сергей быстрыми шагами догнал его, безбожно лыбясь. — Слышь, старший, а обыск-то когда? Я могу и один поехать. Чисто из дружеской взаимовыручки, ну. Помогу перевернуть платяной шкаф. Грамотно, профессионально, с пиететом к кружевам.

— Вознесенский, завали, — огрызнулся Олег.

Он засунул руку в карман куртки, достал кофейное зерно и с хрустом раздавил его зубами. Горький, вяжущий вкус заполнил рот, но не смог заглушить дикое, опасное торжество, расцветающее под ребрами. Лана определенно не была обычной испуганной гражданской. Она успешно сбила его с рабочего ритма дурацкой, вызывающей выходкой.

Олег-майор был в бешенстве от того, что не смог ее расколоть. А Олег-охотник начинал чувствовать ту самую жуткую, магнетическую тягу к ней, потому что увидел в ней отражение собственной тьмы на уровне инстинктов.

Глава 2

05:30 Главное следственное управление

Олег вынырнул из тяжелого забытья от звонка будильника — так, словно его с размаху ударили по затылку тяжелым тупым предметом.

Тело казалось чужим, собранным из бракованных, заклинивших деталей. Шею стянуло спазмом, между лопатками

пульсировала тупая, горячая боль. Спина и ноги гудели с такой силой, словно ночью он не провалился в спасительный сон, а часами таскал тяжести. Какое-то время он неподвижно лежал, глядя в потолок, и мозг, как перегруженный процессор, медленно подгружал координаты реальности.

Управление. Желтые, похожие на химические ожоги разводы на побелке. Продавленный дерматин старого дивана, впитавший в себя запах табака, пыльных уголовных дел и чужого пота. В отделе этот диван давно официально именовался «местом для хранения архивных материалов», а неофициально — «койкой майора Волчанова».

За последние четыре месяца этот кусок поролона заменял Олегу дом чаще, чем собственная кровать.

Телефон на полу продолжал истерично вибрировать и кричать. Олег со скрежетом зубов перекатился на бок, нащупал мобильный и смахнул экран.

Два часа. Ровно столько он позволил себе побыть в отключке. Это был не сон. Это была жесткая, принудительная перезагрузка системы, после которой организм гудел от ярости. Ночью, когда он закончил оформлять постановление на обыск дома Сафиной, на которое ушел еще почти час бессмысленной бумажной работы, сил хватило только на то, чтобы повернуть ключ в замке изнутри и бросить под голову скомканную куртку.

Олег сел. Позвонки хрустнули с сухим, царапающим звуком.

За окном, сквозь приоткрытые жалюзи, сочился больной, свинцовый рассвет. В коридоре кто-то из поднятой по тревоге ночной смены громко и грязно матерился на зажевавший бумагу принтер. Где-то хлопнула тяжелая дверь. Улей просыпался.

На столе, среди стопок бумаг, застыл бумажный стаканчик с остатками кофе на дне. Рядом — идеально выровненная по краям стола папка с фамилией «Сафина».

Олег устался на нее. В голове, вытесняя остатки тяжелого сна, кристаллизовалась картинка из допросной. Бледная кожа, тонкие вздрагивающие пальцы, глаза, в которых не было ни капли раскаяния.

Телефон в руке снова коротко завибрировал. Вознесенский.

— Не сдох? — хрипло, с характерным сигаретным придыханием спросил капитан.

— Не дождешься.

— Замечательно. Собирай кости. Через сорок минут выезжаем к нашей химичке. Я уже пнул криминалистов, они грузят чемоданы. Дежурный нашел понятых через участкового. Мужика и женщину из местной управляющей компании.

— Кофе купишь?

— Я тебе не жена.

— Тогда энергетик.

— Уже лучше.

Олег сбросил вызов. Умывание ледяной, жесткой водой в служебном туалете немного сбilo температурный фон в тяжелой голове. Через полчаса он толкнул дверь и вышел во внутренний двор Управления.

Улица встретила его пробирающим до костей холодом. Влажный утренний воздух оседал на коже тяжелой водяной взвесью, пахнувшей тиной и стылым асфальтом.

Сергей стоял у своего черного «Форда». Он подпирал плечом водительскую дверь и жадно курил. Сигарета не успевала догореть до фильтра — он сразу тянулся за следующей. Пальцы двигались быстрее, чем обычно, зажигалка щелкала без пауз, будто он сбивал внутренний ритм.

Лицо — уставшее.

Глаза — слишком живые.

Невыспавшийся человек так не выглядит. Так выглядит человек, который не совпал с ночью.

Олег это отметил сразу. Как и влажные волосы — помыть-ся все же успел.

Заметив напарника, Сергей выдохнул струйку дыма и криво ухмыльнулся.

— Ну и рожа у тебя, Волчара. Краше в гроб кладут.

— На себя посмотри.

— Я смотрел, — Сергей щелчком отправил окурок в лужу у поребрика и тут же выбил из пачки новую сигарету. — Чуть не ослеп от собственной неотразимости.

— Ты где был? — хмуро спросил Олег, сбрасывая остатки

сна. — Я сказал отбой на два часа.

— Я спал. Минут сорок. Или меньше.

— От тебя фонит так, будто ты грамм стимуляторов сожрал. Остынь.

Сергей коротко, лающим звуком рассмеялся, обнажая зубы:

— Какое «остынь», Олежек? Мы на финишной прямой. Если у этой девчонки в шкафу реально лежат маки и трехгранный клинок, нам обоим до конца года такие звезды на погоны прилетят — устанем обмывать.

Олег дернул ручку пассажирской двери.

— Поехали уже, охотник за звездами. Как будто я не знаю, что тебе нравится быть капитаном — ответственности меньше.

Сергей сел, захлопнул дверь и повернул ключ зажигания. Двигатель недовольно зарычал, разрезая утреннюю тишину. Он выехал через арку на дорогу. Город за лобовым стеклом проступал из свинцового сумрака, холодный и равнодушный.

Впереди их ждал дом Аланы Сафиной.

Свет все выше поднимающегося солнца раздражал уставшие глаза. Голова гудела. Мысли растекались. И болтовня Вознесенского никак не помогала собраться в кучку.

— Знаешь, что меня бесит? — в голосе Сергея Олег уловил ворчливый тон.

— Что?

Сергей побарабанил пальцами по рулю, явно копя обиду.
— Она на меня даже не посмотрела.

— Тебя это удивляет? — хмыкнул Олег.

— Вообще-то я обаятельный, — Сергей раздраженно фыркнул и щелкнул поворотником чуть резче, чем требовалось.

— Поворот не пропусти.

На несколько минут воцарилось молчание, и Олег наконец смог погрузиться в свои мысли, в очередной раз прокручивая в голове диалог в допросной.

Олег месяцами гонялся за Садовником, и эта охота стала смыслом его жизни. Когда подозреваемая наконец нашлась, она заполнила собой все пространство мыслей. Олег не мог перестать думать о Лане, потому что она была ключом к его главной загадке.

Он взял в руки тонкую папку с ее личным делом.

— Слушай...

— М? — без особого энтузиазма поинтересовался Олег.

— Тебе не показалось, что она вообще не испугалась?

— Испугалась.

— Не допроса.

— Тогда чего?

Сергей пожал плечами. Он благородно сделал музыку потише, когда Олег взялся за чтение.

— Не знаю. Но на тебя она смотрела как-то... странно, — короткая пауза, и Сергей весело хмыкнул. — Так, будто уже

выбрала имена детям.

— Фантазер, — качнул головой Олег. Но отрицать очевидное не мог. Взгляд у нее был гипнотический.

Сергей плавно повернул руль, объезжая выбоину на набережной, и покосился на напарника.

— Нет, я действительно не понимаю, как это работает.

Олег молча, не отрывая взгляда от бумаг, протянул ему банку энергетика, которую успел открыть и сделать несколько глотков. Холодный напиток особо не бодрил.

— Что именно?

— Да про баб твоих.

— Пошел нахер.

— Нет, правда. Что ни поехавшая — обязательно на тебя упадет.

— Очень лестно.

Сергея тихо рассмеялся. Вставив банку в подстаканник, он потянулся за сигаретой.

— Помнишь девицу по делу расчленителя с Обводного? Которая тебе потом месяц в три часа ночи звонила и просто дышала в трубку? Тебя же от нее всем отделом прятали. И вот опять. Наша химичка. Девчонке реальный срок корячится, а она на допросе на твои губы пялится так, будто ты ей сейчас не права зачитывать будешь, а кольцо из кармана достанешь и замуж позовешь.

Олег промолчал. В его картине мира все выглядело совершенно иначе. Но переубедить напарника сил не осталось.

— Серьезно, Волчара. Ты же ходячая депрессия. Рожа кирпичом, борода, взгляд как у могильщика, от тебя за версту веет глухим конвоем. Нормальные бабы от такого взгляда сумочку к себе прижимают и на другую сторону улицы переходят. А этих... альтернативных на тебя как мух на мед тянет. Они сразу такие: «О, вот этот мрачный шкаф — мой выбор».

Сергей щелкнул зажигалкой.

Огонек даже не успел лизнуть кончик сигареты, как Олег двумя пальцами спокойно вытащил сигарету у Сергея из рта. Движение получилось настолько быстрым и привычным, будто они репетировали его годами.

— Завидуешь?

Сигарета описала короткую дугу и приземлилась в нишу под магнитолой среди чеков, мелочи и смятых парковочных талонов.

Сергей даже не возмутился. Иногда ему действительно нужен был стопор.

— Немножко.

— Лечится.

— Чем?

— Попробуй иногда закрывать рот.

— Ну-ну. Зато ты за нас обоих молчишь.

Олег поморщился, скрыв это за взглядом в папку. Сергей, как назло, опять ткнул в старую и совершенно бессмысленную тему. Но да. Нормальные женщины его обычно сторо-

нились. Не сразу — со временем. Когда за спокойным лицом начинало проступать что-то жесткое, неправильное. А вот всяких сломанных судьбой женщин, наоборот, тянуло. Свидетельницы. Потерпевшие с потухшими глазами и привычкой вздрагивать от резких звуков. Они цеплялись за него взглядом, искали защиты, доверяли слишком быстро.

Словно принимали хищника за сторожевого пса.

Когда-то это удивляло. Потом начало раздражать. А потом стало совершенно безразлично. Весь набор нормально-го человеческого счастья интересовал Олега примерно так же, как разведение комнатных цветов. Он никогда не видел себя ни мужем, ни отцом. Ему хватало работы. Хватало города. Хватало Сережи, который болтался рядом уже почти двадцать лет и воспринимался не отдельным человеком, а чем-то вроде постоянной величины. Как собственная тень или правая рука.

Остальное было несущественно.

Поэтому все эти разговоры про женщин неизменно казались ему пустой тратой времени.

И все же, сейчас было иначе. Потому что речь шла не о женщине. Речь шла о Садовнике.

Олег чувствовал зудящий интерес, он ждал ее следующей реплики и не мог остановиться. Это была не симпатия — это был азарт, перешедший границы допустимого. Азарт охотника, который наконец увидел след.

Бодрый голос навигатора сообщил, что пункт назначения

через километр.

— А ты, кстати, держался как скала. Признайся, внутри... кайфанул?

Олег не ответил сразу. Он был слишком занят внутренней борьбой. Слова Сергея ударили прямо в цель. «Кайфанул» — это было слишком точно.

Друг не мог не знать, как Олег относится к этому маньяку. Желание поймать? Разумеется. Тихий внутренний восторг? О, да...

За время ведения дела Садовника Олег действительно начал чувствовать нечто, что выходило за рамки обычного профессионального интереса. Это было странное, почти извращенное восхищение. Садовник был дерзким, публичным, его методы впечатляли. Он убивал с таким размахом, с таким вызовом, что порой это было сродни художественному акту.

Олег понимал, что Сергей видел его насквозь и знал про эту одержимость, хоть и не мог понять ее истоков.

И теперь перед Олегом была женщина, которая, возможно, была этим самым Садовником.

Он лишь слегка повел плечом.

— Мой восторг будет, Серый, когда мы найдем доказательства.

06:33 Озерки

Частный сектор Озерков встретил их сыростью, тянущейся от Суздальских озер. Узкая асфальтированная улица вдоль глухих заборов еще тонула в сизой дымке рассвета.

Все выглядело спокойно и почти уютно.

Еще двадцать минут назад напарники ползли вдоль одинаковых панельных коробок, а теперь казалось, будто город остался в нескольких километрах позади. Старые липы нависали над дорогой темными силуэтами, скрывая за собой крыши домов.

— Надо же, прямо посреди города — и как в лесу. Как ты тут одна не боишься, Алана?.. — Сергей припарковался и заглушил двигатель.

Олег закрыл папку, содержимое которой изучил вдоль и поперек уже несколько раз. Сухой отчет о чужой жизни, поместившийся на одну страницу. Сафина Алана, двадцать восемь лет. Место рождения: Казань. Переезд в детстве, и почти через месяц трагедия. Родители: отсутствуют. Детский дом «Заря». Химический факультет в СПбГУ, красный диплом. Работа в военной лаборатории.

Олег так долго разглядывал ее фото, что, казалось, выучил расположение каждой веснушки на щеках.

Он бросил папку на приборную панель, и поднял взгляд. Дом выглядел обманчиво скромным. Один этаж, небольшая площадь, низкий деревянный заборчик. Но достаточно было присмотреться внимательнее: свежая отделка, дорогие стеклопакеты, ухоженный участок, новая крыша. Все было сделано без показухи, но качественно и явно за хорошие деньги.

«Откуда у молодой сироты-ученой миллионы на такую недвижимость? Район не из дешевых. Военным химикам не

настолько хорошо платят».

Хлопнули дверцы машины. Сергей зябко повел плечами, поднял воротник коричневой ветровки и привычным жестом выудил из кармана мятую пачку сигарет.

В этот момент из-за поворота, мерно шурша по гравию кроссовками, вынырнула грузная женщина в спортивном костюме. На коротком, натянутом как струна поводке она вела крупного кобеля овчарки. Пес шел тяжело, пружинисто, сканируя пространство янтарными глазами.

Олег уловил, как Сергей внезапно замер. Щелчок зажигалки так и не раздался. Капитан инстинктивно втянул голову в плечи и напрягся, словно готовясь к удару. Олег прекрасно знал эту реакцию: шрам на икре от нападения бродячей собаки в глубоком детстве не лечился ни временем, ни службой в органах. Для Вознесенского любая собака крупнее терьера автоматически становилась триггером.

Олег качнулся влево — не думая, на автомате — и плечом оттеснил Сергея ближе к припаркованным машинам. Просто шагнул чуть наперерез. Ничего особенного.

Овчарка поравнялась с ними и утробно рыкнула. Олег не замедлил шаг, просто опустил взгляд на пса — тяжело, в упор. Пес запнулся, отвел глаза первым и торопливо потянул хозяйку вперед по улице.

— Дом тридцать два, нам сюда, — ровно произнес Олег, кивнув на нужный участок, словно вообще не заметил инцидента.

Он услышал за спиной тихий, рваный выдох. Сергей наконец звонко щелкнул крышкой Zipro, чиркнул колесиком, глубоко затаился и, поравнявшись с Олегом, бросил на него короткий взгляд. Не было ни слов, ни комментариев — только глухая, мужская признательность за то, что напарник снова прикрыл его слабость, не сделав из этого проблемы.

— Ну, погнали, — хриловато отозвался Сергей, выдыхая дым в утреннее небо. — Посмотрим, как живут скромные химики Минобороны.

В это же время подтянулись криминалисты, оператор с камерой и двое понятых: пожилой мужчина в потертой куртке и женщина лет пятидесяти с недовольным лицом человека, которого выдернули из дома.

На крыльце уже стояла участковая, вызванная заранее.

Олег поднялся по трем ступенькам.

— Начинаем.

Оператор включил запись.

Олег представился на камеру, назвал адрес, дату и время. Затем зачитал постановление на проведение обыска.

Понятые слушали.

Сергей тем временем уже разглядывал окна дома.

— Симпатично устроилась, — негромко заметил он, бросая бычок.

— Работай.

— Работаю.

Замок открыли ключами, изъятыми у Ланы.

Дверь распахнулась. Дом встретил их тишиной.

Олег вытащил из кармана пару нитриловых перчаток. Одну пачку бросил Сергею. Натянул свои.

Эксперты в комбинезонах и бахилах начали свою работу.

Первый взгляд Олега был быстрым, профессиональным, сканирующим. Одноэтажный, уютный, но без излишеств. Типичный деревянный домик. Запах апельсина, который он учуял в допросной, здесь был более насыщенным, смешиваясь с ароматом старых книг и какой-то неуловимой химической ноткой.

— Ладно, Волчара, — Сергей похлопал его по плечу. — Давай тоже посмотрим, что наш химик творит в своих «творческих порывах».

Большая гостиная плавно переходила в кухню. Пространство было организовано аккуратно, но без показной стерильности. На диване лежал плед. На журнальном столике стояла кружка с засохшим чайным следом на дне.

Жилой дом. Настоящий, не декорация.

Именно такие дома всегда заставляли Олега нервничать больше всего: слишком легко было забыть, что за обычными вещами иногда скрываются самые страшные тайны.

Криминалисты начали работу, и уютный дом мгновенно лишился всякой интимности. Чужие люди методично потрошили жизнь Ланы. Тишину разорвал звук отрываемого скотча. Один из экспертов уже стоял на коленях на кухне, просвечивая ультрафиолетом швы между плитками и стыки труб

под раковиной. Другой вскрывал вентиляционную решетку под потолком.

Два высоких, от пола до потолка, стеллажа разделяли пространство на отдельные зоны кухни и гостиной.

Сергей подошел к одному из них.

— Ого.

— Что там?

— Наша химик любит читать, — он не просто стал разглядывать — он начал брать книги, переворачивал и жестко тряс, проверяя, не выпадет ли флешка или записка. На пол летела книжная пыль

Олег подошел к нему, пробежал взглядом по корешкам.

Фэнтези. История науки. Программирование. Органическая химия.

Книга по программированию выглядела почти новой — раскрытая один раз, с короткой, обрывочной вмятиной на первых страницах. Дальше — чистота бумаги, как у вещи, к которой быстро потеряли интерес. Зато учебники по химии и токсикологии были изношены, с заломанными углами и выцветшими пометками на полях.

— Я половину слов тут прочитать не могу, — Сергей потянулся к верхним полкам, на которых обнаружилось несколько специализированных учебников такого уровня, что даже названия звучали угрожающе.

— И это твоя проблема.

— Я знаю. О! Ядерная химия, прикинь? Наша Лана —

вундеркинд.

Олег внимательнее посмотрел на книги.

Сами по себе они ничего не значили. Умный человек имеет право быть умным. Но кое-что он все же отметил про себя. Токсикология, фармакология, яды. Интересное сочетание.

Они двинулись дальше.

На кухне не обнаружилось ничего интересного. Только эксперты поржали над банкой с сахаром с наклейкой $C_{12}H_{22}O_{11}$.

Потом была спальня, которая оказалась неожиданно просторной.

Здесь процесс пошел еще жестче. Участковая вместе с криминалистом и понятыми помогала осматривать шкаф, методично прощупывая подкладки курток и пальто. Массивный матрас с двуспальной кровати уже сбросили набок, обнажив деревянные ламели.

На письменном столе у окна в своем особом творческом беспорядке стояли стеклянные баночки, пробирки и лабораторные принадлежности, а на самом дереве тут и там виднелись пятнышки и прожженные участки. Вместо обычных полок — полки с реактивами, где соседствовали безобидные колбы и что-то, вызывающее оторопь.

Олег подошел к столу, рассматривая каждую мелочь. В беспорядке был свой порядок. Ничего не бросалось в глаза, но он искал детали. Необычные инструменты? Следы специфических веществ? Любую зацепку, что могла бы связать

этот «творческий порыв» с аккуратным отверстием в груди жертвы.

— Экспертов сюда, — голос Олега был чуть напряжен. — Пусть оформят все. Каждую склянку. Каждое пятнышко. И снимите смывы с прожженных участков на столешнице. Мне нужен будет полный анализ того, что она тут варила.

Один из криминалистов сразу подошел ближе. Началась отдельная фиксация, фотографии, маркировка, упаковка образцов.

Сергей, зевая в кулак, тем временем открыл комод. Он не рылся и не переворачивал вещи. Просто последовательно осматривал содержимое ящиков в присутствии понятых и под запись.

На секунду он замер. Потом усмехнулся.

— Что? — напрягся Олег.

— Ничего.

— Серый.

— Да все нормально.

Олег подошел к нему, и Сергей чуть отодвинулся, давая посмотреть. В ящике лежало аккуратно сложенное женское белье.

Олег перевел убийственный взгляд на Сергея.

Тот уже улыбался.

— Просто напоминаю, что подозреваемая все еще обычная женщина.

— Спасибо за ценное замечание.

— Всегда пожалуйста.

Олег закатил глаза.

Осмотр продолжался — тягучая, рутинная работа. Каждый сантиметр дома фиксировался, фотографировался, описывался. Длинный процесс, который Олег не любил, но понимал его необходимость. Особенно сейчас, когда Алана Сафина была единственной нитью в четырехмесячном тупике.

Дом, который еще недавно казался уютным гнездом, методично все больше превращался в анатомический театр: вывернутое белье, зияющие пустотой ящики комода, разбросанные листы.

Олег чувствовал, как становится все тяжелее просто стоять на ногах. Сергей рядом тоже клевал носом и тер глаза.

Сосредоточенную тишину разорвала трель сотового.

— Вознесенский.

Сергей отошел к окну. С каждым словом мужского голоса из телефона выражение его лица становилось все серьезнее.

Олег почувствовал это раньше, чем разговор закончился.

Что-то случилось.

Сергей опустил телефон и несколько секунд смотрел в пустоту. Затем поднял взгляд на Олега.

— Новое тело.

Олег на секунду перестал слышать криминалистов за спиной. Или они действительно замолчали — он не был уверен.

— Когда нашли?

— Минут двадцать назад.

— Давность смерти?

— Неизвестно, — Сергей нервно провел рукой по лицу, будто пытаясь стереть с него что-то невидимое.

— Почерк?

— Маки.

Алана Сафина сидит в изоляторе. Под камерами. Это факт.

У Олега внутри все неприятно сдвинулось — не паника, нет, он давно разучился паниковать. Что-то хуже. Тихое, ползучее ощущение, что земля под ногами только что стала чуть менее твердой.

Потом мозг включился: значит, либо труп старый, либо у Садовника есть сообщник. А может, кто-то копирует его почерк.

Или они только что арестовали не того человека.

Последняя мысль показалась настолько неприятной, что Олег почти сразу ее отбросил. Его уже начинала согревать мысль о том, что Садовник — Лана, и вдруг все пошло трещинами.

— Координаты? — голос Олега прозвучал мгновенно отточенным, командным.

Он выпрямился, стер эмоции с лица. Ему нужны были цифры. Точка на карте. Новый вызов. Новая охота. И новый труп.

Но сорваться прямо сейчас они не имели права — если сейчас сорвать обыск, оставить дом не зафиксированным и

уехать, защита потом получит прекрасную возможность бить по процедуре и полноте фиксации.

Внешне — абсолютный, зеркальный штиль, но внутри, под ребрами, левой закипала ярость. Олег сунул руку в карман, выудил сразу три кофейных зерна и забросил в рот. Хруст. Горечь обожгла горло, силой возвращая контроль. Повезло — бешено, слепо повезло, — что этот адский обыск уже подходил к концу, а не только начался. Еще пару часов кружения по дому с сознанием того, что где-то в сыром переулке его ждет тело от Садовника, внутренний Звереныш бы просто не выдержал.

— Литейный.

— Продолжаем, — хлестко бросил Волчанов.

Эта комната, к счастью, была последней. Эксперты работали на пределе возможностей, и Олег буравил их спины острым взглядом льдисто-голубых глаз. Он не стал ждать, пока криминалист допишет свою часть. Он сам рванул к себе планшет, взял ручку и начал строчить протокол обыска с бешеной скоростью, но идеальным каллиграфическим почерком. Его голос, диктующий понатым, где именно поставить подписи, звучал как автоматная очередь. Личные вещи Ланы без церемоний полетели в картонные коробки, зашуршал скотч, замелькали бумажные ленты с печатями.

Размеренная, душная атмосфера обыска в секунду взорвалась панической нехваткой времени.

Олег не терял ни мгновения. Сунув исписанный протокол

в папку, он уже развернулся к выходу. Шаг — быстрый, целеустремленный. На пороге он притормозил, бросив последний, скользящий взгляд на стеллажи с книгами по органической химии. Навязчивая мысль о Лане, о ее странной, пугающей связи со всей этой чертовщиной, не исчезла. Она просто послушно отошла на второй план, вытесненная новой, бьющей по нервам реальностью.

Садовник снова вышел на связь.

Глава 3

09:24 Литейный проспект

— Приехали, — Сергей заглушил двигатель и потер лицо руками. — Литейный, мать его. Совсем страх потерял.

Вокруг уже мигали синие и красные огни. Полицейские ленты отсекали арку от проспекта, за ними плотно топтались зеваки. Журналисты с камерами, как всегда, успели раньше некоторых патрульных.

Олег вышел из машины. Прохладный воздух города наполнил легкие.

Литейный проспект задыхался от пробок и гудков, но стоило шагнуть под облупившиеся своды арки, как городская суета отрезалась глухой стеной.

Рано утром над Питером прошел плотный ливень. Разбитый асфальт двора-колодца блестел черным зеркалом, в воздухе висела тяжелая сырость, смешанная с запахом мокрого гранита и подвальной плесени.

Олег отшвырнул с пути красно-белую ленту оцепления

и шагнул на территорию. Для него в эту секунду перестало существовать все: вспышки камер журналистов за воротами, хмурые патрульные, суeta криминалистов с их желтыми номерками. Зрение его схлопнулось до одной-единственной точки.

Труп.

Он лежал прямо на мокром асфальте у мусорных баков. Олег сделал несколько быстрых, хищных шагов вперед, не замечая никого вокруг, и замер, вглядываясь в запрокинутое восковое лицо.

Он узнал эту мерзкую физиономию. Скользкий оптовик по прозвищу Гвоздь, раскидывавший синтетику по местным клубам и вовлекавший в оборот несовершеннолетних. Полгода назад Олег лично разрабатывал его, но у блюдоk сорвался с крючка. А теперь Гвоздь лежал здесь, распластавшись в расстегнутой кожаной куртке.

Взгляд Олега скользнул ниже, на грудь.

Из аккуратной раны в области сердца — прямо сквозь прорезанную ткань футболки — торчали три тонких зеленых стебля. Три крошечных диких мака. Легкий утренний сквозняк, гуляющий по двору-колодцу, мазнул по телу, и тонкие красные лепестки нежно, почти поэтично заколыхались на ветру. Они стояли в груди, как в жуткой живой вазе, успев напиться кровью Гвоздя.

«Извращенно красиво», — невольно подумал Олег.

И только тут оптическую иллюзию идеального убийства

разрушило чужое движение.

Кто-то в синих перчатках потянулся к лицу Гвоздя. Олег моргнул, выныривая из транса, и перевел взгляд выше.

Судмедэксперт Варвара Мальцева никогда не суежилась. Она двигалась с той пугающей, выверенной грацией человека, который каждый день по локоть ковыряется в чужой смерти. В строгом темно-синем хирургическом костюме и наброшенной поверх ветровки, она сидела на корточках рядом с трупом. Пепельно-русые волосы были стянуты на затылке в такой тугий узел, что казалось, у нее от этого должна болеть голова. Варя не была красивой в привычном смысле — слишком бледная кожа, слишком резкая линия скул и полное отсутствие косметики. Но в ней чувствовалась порода. Специфическая, стерильная.

Ее глаза — неожиданно красивого, густого коньячного оттенка — на секунду встретились с тяжелым взглядом Олега. Но в этом «коньяке» не было ни капли тепла. Ни сочувствия, ни страха перед его закипающим бешенством. Только оценивающий профессиональный холод. Для Мальцевой существовали лишь температура печени, трупные пятна и факты. А чужие срывы, мрачность и нависающая аура Волчанова разбивались об ее спокойствие, как волны о бетонный волнорез.

Олег невольно сжал кулаки. Он машинально натянул синие бахилы прямо на мокрые ботинки. Он не сказал ни слова, но линия его губ скривилась в откровенном раздражении.

— ее присутствие здесь, рядом с его маками, бесило до зубовного скрежета.

Следом подошел Сергей. Усталый, помятый. С красными глазами после бессонной ночи. Но, в отличие от Олега, еще способный изображать нормального человека.

— Доброе утро, Варя.

— Доброе, Сергей.

А потом она перевела взгляд обратно на Олега, и в ее глазах снова включился хирургический свет.

— Ваш клиент.

— Что по времени, Варвара? — голос Олега прозвучал глухо, почти интимно из-за близости к телу, но в нем по-прежнему звенела привычная требовательность.

Мальцева не ответила сразу. В это время как раз с жесткой тарой вернулся старый криминалист. Он присел рядом и сначала отснял рану крупным планом, с масштабной линейкой. Только после этого он длинным пинцетом, миллиметр за миллиметром, ювелирно извлек стебли и перенес маки в пластиковый бокс для хрупких вещдоков, бережно зафиксировав их мягкими валиками. Отдельно переснял уже вынутые цветы. Следом, отдельным кадром, отсняли и опустевшую рану. Убрав тару в кофр, он снова отступил в сторону.

Путь для дальнейшего осмотра тела освободился. Варя, не теряя времени, приступила к работе. Она наклонилась ниже, ее пальцы в перчатках мягко, но уверенно легли на угол нижней челюсти Гвоздя. Олег не сводил взгляда с ее рук. Он

видел, как она аккуратно попыталась приоткрыть мертвый рот, проверяя сопротивление мышц, затем скользнула ладонью под воротник кожаной куртки, касаясь шеи.

Затем Варя передвинулась чуть в сторону и собралась перевернуть тяжелое тело. Но сделать этого не успела.

Сергей, до этого стоявший неподвижно, сделал короткий шаг вперед. Не дожидаясь просьбы, он лихо натянул перчатки и ухватил мертвеца за противоположное плечо и край куртки, беря основной вес на себя. Устало, но осторожно он помог Варе перевалить тело на бок.

Варя коротко, благодарно кивнула.

Кожаная куртка задралась, влажная футболка натянулась, обнажая поясницу. На бледной, сероватой коже уже проступили отчетливые багрово-фиолетовые разливы — кровь, подчиняясь гравитации, уходила вниз. Варя с силой прижала большой палец к одному из этих пятен.

Олег мысленно считал секунды. Под подушечкой ее пальца кожа мгновенно стала чистой, мертвенно-белой. Варя убрала руку. Прошло секунд тридцать, прежде чем синеватый багрянец лениво, неохотно начал заливать бледный след обратно.

— Окоченение слабое, только в жевательных мышцах. Мышцы шеи еще мягкие, — она опустила труп обратно на спину. — Трупные пятна при надавливании исчезают полностью. Восстанавливаются секунд за сорок. Это чистый гипостаз, Волчанов. С учетом утреннего ливня и влажности...

ему помогли умереть приблизительно от четырех до шести часов назад.

— Между тремя и пятью утра, — мрачно закончил Олег.

— Прекрасно. Пока мы спали, этот псих снова вышел гулять, — Сергей выпрямился, сменил перчатки и устало упер руки в бока, критичным взглядом рассматривая труп.

— Ты не спал, — хмыкнул Олег.

— Немного.

— Плюс–минус, — быстро продолжила Варя, перебив их. — Точнее скажу после секции и термометрии. Но в пять утра он уже точно не дышал.

Олег окинул ее холодным взглядом, подмечая каждую деталь ее профессиональной автономии. Она раздражала его своей уверенностью, но ее цифры ложились в его картину дела как влитые.

Их подозреваемая не могла этого сделать. Лана была в участке. Она невиновна. По крайней мере, *конкретно в этом убийстве*.

Это был удар. Вся их работа, все предположения, рухнули. А Садовник, словно издеваясь, снова ушел в тень, оставив за собой лишь кровавые маки и шлейф вопросов.

— И вот еще что...

В глазах судмедэксперта мелькнуло что-то, заставившее Олега внутренне подобраться.

— Есть одна странность, майор. Смотри на входное отверстие. Сила удара.

Олег наклонился ниже. Сергей рядом тоже, едва не дыша ему в шею.

— Клинком пробито межреберное пространство, как и у прежних жертв Садовника, — Варя указала на багровую окантовку раны, пинцетом отодвинув разрезанную ткань футболки. — Но здесь он вогнал оружие по самую рукоять. Ткани вокруг раны сильно разможены, есть синяк от гарды клинка. Предыдущих он бил с почти хирургическим хладнокровием, аккуратно дозируя силу. А Гвоздя... Гвоздя он буквально пригвоздил к асфальту.

Ярость?

Это слово ментолом обожгло мозг Олега. Садовник потерял контроль. Безупречный, расчетливый убийца сорвался на эмоцию.

Олег поднялся на ноги. Он перестал слышать гул Литейного за аркой. Фокус внимания снова сузился до размеров этого проклятого двора-колодца.

Олег отступил от трупа на десять шагов назад — туда, к темной подворотне, откуда Гвоздь, скорее всего, заходил во двор. Закрыв глаза. Вдохнул влажный, пахнувший грозой и бензином воздух. Ему нужно было впустить Садовника внутрь себя. Локализовать его бешенство.

Олег открыл глаза. Мир вокруг словно потерял краски, став серо-черным. Теперь он не был майором юстиции. Он был *им*.

Олег медленно, шаг за шагом, пошел по мокрому асфаль-

ту, повторяя предполагаемый маршрут убийцы. Вот он стоит в тени арки, сжимая кинжал. Сердце стучит ровно. Из темноты появляется Гвоздь — покачивающийся, пахнущий дешевым кайфом и чужими слезами. Садовник видит его лицо, и внутри него что-то взрывается. Лед превращается в пламя.

Олег ускорился. Шаг, еще шаг. Он физически ощутил, как по венам разливается эта чужая, праведная злость. Садовник срывается с места. Перехватывает рукоять удобнее. Гвоздь даже обернуться не успевает. Ударить из-за спины. Не просто убить, а уничтожить, вогнать сталь так глубоко в грудь, чтобы хрустнули ребра, чтобы выбить из этого ничтожества всю грязь.

Олег замер рядом с той точкой, где лежал труп. Из его груди вырвался рваный выдох. Пальцы в нитриловых перчатках сжались в кулаки, костяшки заныли от фантомного напряжения. Он поймал эту эмоцию.

А потом — секундная пауза. Отрезвление. Гвоздь мертв. Ярость уходит, оставляя холодную пустоту. И Садовник достаёт три хрупких, сорванных на лугу мака. И начинает свой ритуал. Наклоняется над телом. Укрошая дрожащие после вспышки гнева пальцы, медленно, по одному, вставляет стебли в теплую кровь.

Олег посмотрел вниз, на отверстие от кинжала. По шее скатилась капля холодного пота. Он заметил, как Сергей и Варвара переглянулись из-за его петляния по двору, но ему было плевать.

Почему Садовник сорвался? Почему повторно вдруг убил спустя всего сутки, тогда как раньше были одна-две жертвы в месяц?

Этот вопрос бился в висках, перекрывая голоса оперативников и криминалистов. Садовник — это механизм. Идеальные, бесшумные швейцарские часы. Что могло сбить его ритм? Что могло заставить этого эстета всадить клинок с такой слепой ненавистью? Гвоздь был мразью, да, но и остальные жертвы был не лучше. Однако раньше Садовник работал как хирург, а здесь — как мясник. Что изменилось?

Щелк—вжик.

Резкий, механический звук спускаемого затвора фотоаппарата резанул по ушам.

Олег резко вскинул голову. За чугунными прутьями ворот, едва не ложась грудью на красно-белую ленту, висел один из журналистов. Он нагло просунул длинный объектив камеры сквозь решетку, пытаясь выхватить фокусом лицо Олега и труп на асфальте.

Пронырливые, беспринципные падалышки.

Олег сузил глаза, а внутри закипало глухое раздражение, и вдруг... Мысль ударила его под дых с такой силой, что он едва не пошатнулся.

Журналисты.

Слив в криминальных хрониках. Кто-то из Главка или Управления слил им информацию. За деньги? По знакомству? Просто не удержал язык за зубами — сейчас это уже

не имело значения. Олег вспомнил этот кричащий заголовок на городском портале, который мельком увидел в телефоне Сергея: *«Конец цветочного кошмара? Подозреваемый в деле Садовника — женищина!»*.

В голове с пугающим щелчком сомкнулись контакты.

Садовник убил Гвоздя сегодня, между тремя и пятью утра. Спустя всего несколько часов после того, как новость о задержании Ланы разлетелась по сети.

Теперь картинка обрела кристальную ясность.

Садовник не просто так вышел на охоту этой ночью. Он смотрел новости. Он увидел, что полиция вцепилась в Лану. И это вывело его из себя. Взбесило до такой степени, что он пошел искать жертву, чтобы выплеснуть эту ярость. Он пробил грудную клетку Гвоздя по самую рукоять не потому, что так уж ненавидел барыгу.

Удар предназначался им. Системе. Олегу Волчанову, который посмел притащить Лану в допросную и перевернуть ее дом.

Это было уязвленное эго творца.

Все месяцы Садовник вел свою ювелирную игру. Он поставил на уши весь Санкт-Петербург, заставляя задыхаться от страха Васильевский, Петроградку, теперь вот Литейный. Он создавал миф, вырисовывал каждую деталь своего жуткого перформанса, оставляя эти нежные маки как личную подпись под шедеврами.

А потом этот гений открыл криминальную хронику и

узнал, что тупые менты приписали всю его четырехмесячную славу какой-то девчонке.

Для психопата такого уровня это был не просто плевок в лицо. Это было оскорбление его искусства. И систематический, холодный маньяк в одно мгновение превратился в бешеного зверя, у которого украли его величайшее достижение.

Садовник вышел на охоту. Ему нужно было срочно, прямо сейчас, доказать этим слепым идиотам из Главка и Управления, как сильно они ошибаются.

Олег опустился на корточки перед трупом, не замечая, как захрустели от напряжения колени. Он вгляделся в края раны, в этот яростный, глубокий след от гарды.

«Смотрите, суки», — кричал Садовник своим ударом. — «Смотрите внимательно! Разве это почерк хрупкой барышни? Разве это женщина пробила ребра по самую рукоять? Это Я! Я все еще здесь! Это моя картина!».

Олег издал хриплый, похожий на лай смешок. От этого звука Сергей, стоявший в паре метров, невольно вздрогнул, а Варя на секунду замерла, уставившись на майора как на сумасшедшего. У Волчанова от бессонницы и адреналина лихорадочно блестели глаза.

— Тщеславие, — почти шепотом произнес Олег, не отрывая взгляда от трупа. — Мы отняли у него сцену, Серый. Пресса раструбила, что Садовник — это женщина. Представь, что испытывает нарцисс, который четыре месяца стро-

ил свой кровавый миф, когда его шедевры приписывают какой-то девчонке. Он взбесился и пошел доказывать свое авторство. Он доказывает его нам.

Но едва эта идеальная, пугающе логичная теория оформилась в словах, как натренированный годами разум следователя ударил по тормозам.

За годы работы Олег твердо усвоил: если дело начинает казаться тебе красивым романом — жди подвоха. Уставший мозг обожает складывать легкие пазлы, чтобы поскорее лечь спать. Как только ты решаешь, что все понял, ты начинаешь подгонять улики под ответ. А Садовник слишком опасен, чтобы давать ему такую поблажку.

Он с силой потер лицо ладонями, словно стирая это наваждение, и резко поднялся на ноги. Лихорадочный блеск озарения сменился въедливым сомнением.

— Красиво звучит, да? — хмыкнул он, глядя на Сергея. — Только в суд я эту поэзию не понесу. Это лишь одна из версий.

Сергей, словно предчувствуя мозговой штурм, достал из внутреннего кармана ветровки небольшой блокнот и ручку. В их дуэте часто все происходило по одному сценарию: Олег мог за минуту набросать десять вариантов, и забыть про половину через час; Сергей — наоборот, он записывал, он помнил. Это была их устоявшаяся динамика. Олег — интуиция и рывок. Сергей — память и система. Вместе они были сильнее, чем по отдельности.

«Эго творца», — записал Сергей, и Олег увидел это краешком глаза.

Он продолжил методично разрушать свою же теорию:

— Подражатель. Кто-то из местной шпаны прочитал новостной слив, пришел Гвоздя из-за долгов за дозу и воткнул цветы, чтобы списать все на маньяка. Отсюда и другая сила удара, и разможенные ткани. Но это мы узнаем после вскрытия, когда уважаемая Мальцева скажет нам об орудии убийства.

Сергей послушно чиркнул пару строк в блокноте.

— Либо, у Ланы есть сообщник, который слепил нам новый труп, чтобы доказать ее алиби и запутать следы.

Олег выпрямился. Его лицо было бледным, но спокойным. В глазах читалась стальная решимость. Странное, почти мистическое притяжение к Лане, которое он чувствовал, теперь превратилось в запутанный клубок вопросов. Если она не Садовник, то почему в ней было нечто, что так отзывалось в нем?

— Сергей, — резко бросил Олег, не глядя на напарника. — Нарезай задачи району. Пусть местный уголовный розыск отработывает свой хлеб. Нужен жесткий поквартирный обход всего колодца. Первый и второй этажи — кто не спит, кто курил в форточку с трех до пяти утра. И свяжись с Управлением. Пусть уберут этот дебильный репортаж из сети. Хватит злить зверя, пока он весь город в маках не утопил.

Сергей спрятал блокнот и коротко кивнул, и на его ли-

це отразилось явное облегчение — появился законный повод сбежать от этого искрящегося напряжения. Капитан юстиции развернулся к кучкующимся у патрульной машины местным операм, чтобы выдать им жесткие процессуальные поручения.

Олег подошел к «столу», который криминалисты соорудили на капоте, и открыл папку с протоколом.

— Садовник знал, куда его загнать, — голос Олега стал сухим, рабочим автоматом. Он снова отыскал глазами Сергея, который уже инструктировал оперов. — И пусть растрясут коммунальщиков. Проверь все арки на выход к Литейному и Фонтанке. Ищите камеры над парадными, видеорегистраторы. Любой блик.

Сергей был выжат до предела. Его благородное лицо осунулось, под глазами залегли черные тени. На него свалился весь организационный кошмар.

Журналисты за лентой зверели. Они поймали волну, поняв, что это очередная жертва Садовника, и буквально лезли на шею патрульным, пытаясь перекричать друг друга: *«Это Садовник? Разве вы не поймали подозреваемую? Прокомментируйте!»*

— Уберите их отсюда к чертовой матери! — сорвав голос, рывкнул Сергей на старшего наряда ППС. — Очистить арку! Выставьте оцепление по внешнему радиусу, они мешают работать!

Часы покатались вперед, превращаясь в одну сплошную,

серую и удушливую полосу следственной рутины.

Организм Олега уже не просто просил сна — он медленно, но верно отключал второстепенные функции. Шли вторые сутки на ногах. Глаза жгло так, словно в них насыпали песка, в висках монотонно стучала тяжелая, тупая жилка, а во рту остался только мерзкий, вяжущий привкус разжеванных кофейных зерен. Но останавливаться было нельзя.

Варя работала со злостью и пугающей Олега дотошностью. Больше двух часов она не поднималась с колен, надиктовывая каждую трупную деталь. Волчанов едва успевал записывать за ней медицинские термины, и от ее монотонного, резкого голоса начало ломить виски.

Между ними давно сквозило нигде не прописанное в рапортах отчуждение, и сегодня ее привычка растягивать каждый слог бесила Олега сильнее обычного.

Она лично зачехлила кисти рук Гвоздя в крафтовые пакеты и обвязала скотчем — чтобы сохранить возможный эпителий Садовника под ногтями, если барыга пытался отбиться.

Где-то на периферии зрения Олега Сергей переключился на районных оперов. До него долетал его жесткий голос — Серега со всем авторитетом следака нарезал им задачи, принимая первые рапорты. Из шестидесяти квартир, окна которых выходили во двор, опергруппа успела обойти тридцать. Результат — ноль. Шум за зашторенными окнами жильцы списали на грозу и гром.

Олег двигался как заведенный робот. Мозг, лишенный сна больше двадцати четырех часов, не считая тех жалких двух часов на диване, отказывался воспринимать длинные предложения, поэтому с подчиненными Волчанов общался короткими, рублеными командами.

Он лично, сантиметр за сантиметром, пролез весь пятак вокруг мусорных баков. Криминалист по его указанию вымыл физраствором затекшие в щели асфальта следы крови, упаковал три окурка, найденные в десяти метрах, — скорее всего, брошенные местными жителями, но проверять придется все, — и залил гипсом смазанный след от протектора шины у выезда. Протоколируя изъятие, Олег мысленно уже считал, сколько коробок с этой грязью ему придется тащить в кабинет.

Затем он заставил начальника местного угрозыска притащить к нему ноутбук с записями системы «Безопасный город». Экран бликовал на солнце, старый софт вис. Олег смотрел в монитор слезящимися глазами. В 03:52 Гвоздь зашел в арку. Больше из нее в течение получаса никто не вышел. У Садовника был другой путь отхода — через крыши, подвалы или проходные системы питерских дворов.

Время перевалило за полдень. Работа заняла почти четыре часа, и к часу дня солнце, пробившееся сквозь разошедшиеся облака, начало нещадно плавить свежий дождевой асфальт.

Наконец-то тяжело подкатил обшарпанный серый фургон

трупоперевозки. Двое усталых санитаров в грязных фартуках привычными, циничными движениями переложили тело Гвоздя на носилки.

Олег стоял рядом, скрестив руки на груди. Он наблюдал, как черная молния пластикового мешка медленно поползла вверх, скрывая бледное лицо наркоторговца.

Хлоп. Тяжелые двери фургона закрылись. Машина, резко пахнувшая хлоркой и старой смертью, выехала со двора.

Сергей подошел к Олегу, тяжело оперевшись рукой о крышу патрульной машины. Его плечи были опущены.

— Все, Олег... Район закончил первичку. Все материалы я забрал. Я больше не могу, у меня мозг плывет.

Олег сам напоминал покойника — бледный и со страшным, застывшим взглядом. Азарт охоты временно угас, уступив место сокрушительной физической немощи. Организм сдался.

— В Управление, — слова царапали пересохшее горло. — Закончим бумажную работу и спать. Иначе мы кого-нибудь убьем вместо Садовника.

— Угу... Варя, тебя подвезти?

Услышав вопрос Сергея, Олег мгновенно подобрался, челюсти рефлексорно сжались до глухого скрипа. Напарник с привычной, въевшейся в подкорку обходительностью, кивал проходящей мимо Варваре. Столько времени на ногах, новый труп, а этот идиот на автомате включал обаяние, едва в поле зрения появлялась красивая женщина. И плевать, что

ей тридцать пять и она замужем.

К счастью, Мальцева обдала их своим фирменным отстраненно-вежливым взглядом и отказалась.

Олег обошел машину, тяжело рухнул на пассажирское сиденье и с силой захлопнул дверь, отсекая от себя улицу. Он смотрел сквозь пыльное лобовое стекло, как Варвара выверенным хирургическим жестом стягивает синие перчатки. Идеальная, правильная, стерильная. У Олега под ребрами поднималась волна застарелого раздражения.

Дело Савельева год назад. Мразь, на которой клейма ставить было негде. Этот скользкий ублюдок накачал девушку редким, убойным нейролептиком, чтобы не сопротивлялась. Но не рассчитал дозу, и у нее просто остановилось сердце.

Во время обыска в квартире Савельева нашли изящные ампулы с тем самым препаратом. Казалось бы — все, бинго. Но была проблема: за несколько часов до смерти доза в организме жертвы успела частично расщепиться. Обычная лаборатория могла ее просто не засечь или выдать смазанный, пограничный результат. С таким отчетом дорогие адвокаты Савельева легко раскатали бы следствие в пыль, сведя все к «слабому сердцу» и трагической случайности.

Савельев был не просто преступником. Он был из тех тварей, от которых у Олега внутри все сжималось в ледяной ком. Бессмысленная жестокость к тому, кто вообще не мог защититься, резонировала в Олеге слишком больно — бил какой-то старый, не заживший нерв.

Были преступники, которые заслуживали смерти. Были те, кто должен был оказаться в тюрьме. Савельев должен был гнить. Каждый день ломать ногти об бетонные стены камеры, чувствовать, как жизнь уходит сквозь пальцы, и знать, что оттуда нет выхода. Это была не справедливость в книжном смысле — Олег не питал иллюзий насчет своей святости. Это была чистая, концентрированная месть за жертву, которая сама за себя отомстить не могла.

Поэтому, когда представился случай, Олег вызвался сам завезти термобокс с биоматериалами в лабораторию. Пятнадцати минут в машине хватило, чтобы тончайшая инсулиновая игла проколола резиновую пробку вакутайнера. Это был грязный, грубый трюк, и Олег прекрасно понимал, что чистый препарат не даст метаболитов распада. Но он делал ставку на вечно заваленную работой систему: обычный сонный химик-лаборант просто прогонит кровь через базовый скрининг, увидит маркер искомого вещества и выдаст справку. А дежурный судмедэксперт, увидев в справке название яда, со спокойной душой напишет в заключении «отравление», не вникая в фармакокинетику. Савельева прижали бы к стенке, и дело было бы закрыто.

Но на его беду итоговое заключение писала Варя.

Олег читал официальный документ, и его идеальный план с грохотом улетел в стену. В графе выводов Мальцева вывела безупречную, уничтожающую формулировку: *«Наличие вещества в биоматериале при полном отсутствии продуктов*

его распада в тканях свидетельствует о посмертной контаминации образца».

Одно предложение — и улика превратилась в мусор.

Она не стала закрывать глаза на неудобные цифры из лаборатории. Вместо того, чтобы промолчать и позволить упечь чудовище за решетку, Варя педантично зафиксировала этот факт.

Она не сдала его УСБ, спасла ему погоны, но сделала то, чего Олег простить не мог: она «выпустила» Савельева на свободу. Ублюдок сразу укатил подальше, в Новосибирск, и стал недосыгаем.

Олег закрыл глаза. В темноте под веками сразу вспыхнул тот вечер. Он помнил, как его трясло от бешенства, как он навис над столом, до побеления вжимая ладони в столешницу.

Варя служила своим стерильным правилам. Олег успокаивал свой зуд. Но хуже всего было другое: он ненавидел ее за то, что оказался у нее в долгу. За то, что она его «пощадила».

Сергей хлопнул водительской дверью, падая на сиденье рядом.

— Газуй, Ромео, — процедил Олег, не открывая глаз и загоняя тяжелые воспоминания обратно на дно. — Пока я не вышел и не сказал ей все, что думаю о ее чертовой профпригодности. И о ее милосердии.

— Твоя проблема в том, Олеж, что ты совершенно не умеешь принимать подарки. Особенно если ради них приходит-

ся поступаться своим каменным эго.

Олег распахнул уставшие глаза, потер бороду, но промолчал. Машина медленно тронулась, и он пошарил в кармане. Пусто. В другом кармане. Тоже ничего.

Открыл бардачок. Пусто.

Подстаканник. Пусто.

Даже в нише под магнитолой ничего не оказалось.

Это было странно. За последние годы запасные зерна лежали у Сергея чуть ли не в каждой дырке его машины.

— Сереж.

— А?

— Зерна.

Сергей скосил глаза на друга.

— Блин. Забыл. Я машину мыл, — пояснил он. — Все выгреб. Потому что на днях одна дама решила, что мой салон — отличное место для свидания.

Олег хмыкнул. Серега возил женщин чаще, чем менял дворники.

— Пришлось выгребать все подчистую. Чтоб прилично. Пылесос, мойка, химия. Короче, генеральная уборка.

— Невероятно.

— Что именно?

— Ты добровольно занялся уборкой.

Сергей самодовольно расправил плечи, будто ему вручили медаль.

— Ради красивой девушки человек способен на многое.

— Не лъсти себе.

— Да вообще без вариантов, — Серега подмигнул и щелкнул поворотником, перестраиваясь в соседний ряд.

Машина ползла по набережной, застряв в плотной, изнуряющей полуденной пробке. В салоне пахло перегретым пластиком и табачным дымом.

Они молчали уже минут двадцать. Шли вторые сутки без нормального сна. Организм обоих работал на чистом упрямстве и энергетике, который теперь стремительно выветривался, оставляя после себя свинцовую, парализующую немоту.

Олег откинулся на спинку сиденья. Асфальт перед капотом временами начинал плыть и двоиться. Приходилось то и дело моргать, силой возвращая фокус. И глушить тихую ярость от отсутствия зерен.

Сергей первым нарушил тишину. Голос у него был сорванный и сиплый.

— Если это подражатель... то нам хана, Олег. Город с ума сойдет.

— Маловероятно, — сначала Олег накидывал версии, а потом, бывало, сам же их методично уничтожал. — Маки. Варя сказала — стебли чистые. Подражатель нарвал бы первое, что под руку попало. А тут дикие, луговые. Тот же сорт, что у остальных. И рана. Пока не было вскрытия, я не готов утверждать, но характер входного отверстия похож на предыдущие.

— Тогда остается два варианта, — Сергей потер глаза, пока машина стояла на светофоре. — Тщеславие. Или Алана с сообщником.

Олег не ответил сразу. За стеклом тянулась набережная, серая и плоская.

— Версия про тщеславие красивая, — наконец произнес он. — Слишком красивая. Слив в прессе вечером, труп ночью, сила удара не та — все ложится идеально. Когда все ложится идеально, я начинаю нервничать.

— Но?

— Но Гвоздь не случайная жертва. Садовник знал его, знал маршрут, знал этот двор. Гвоздь был в списке — просто очередь пришла раньше срока. Это согласуется с обеими версиями. И с тщеславием, и с алиби для Ланы.

— То есть ты не знаешь, — Сергей покрутил в пальцах незажженную сигарету.

— Я знаю, что у нас пока недостаточно данных, чтобы знать. Вскрытие даст оружие. Если мизерикорд тот же, что у предыдущих жертв, подражателя закрываем. Камеры дадут маршрут. Телефон Гвоздя даст контакты. Вот тогда будем знать.

— Адвокат Сафиной уже в Управлении, — Сергей коротко глянул на экран своего смартфона, где беспрерывно загорались уведомления от начальства. — Новость о Гвозде уже дошла до руководства. Нам приказано выпустить ее немедленно. Процессуальных оснований держать ее больше нет.

Мы ее отпускаем, Олег. Прямо сейчас приедем в Управление, и я подпишу постановление.

Олег и сам это понимал. Садовник выиграл этот раунд чисто — одним трупом в нужное время закрыл вопрос. Элегантно. Почти красиво.

Машина наконец вырвалась из затора и ускорилась, въезжая на мост. В открытое окно ворвался резкий, прохладный ветер с Невы, немного приводя их в чувство.

Олег смотрел на серую воду. Внутри ворочалось нехорошее предчувствие. Лану отпускают. Садовник на свободе и, наверное, в бешенстве. Игра становилась слишком личной.

— Пусть идет, — бросил он. — Посмотрим, куда она побежит. К Садовнику... или от него.

13:41 Следственное управление

Парковка во внутреннем дворе Управления встретила их слепящим солнцем. Затяжной циклон, заливавший город двое суток, внезапно лопнул, и влажный раскаленный воздух теперь стоял сплошной стеной, превращая воздух над асфальтом в паровую баню.

Олег вылез из машины, и ноги на секунду отказались держать — пришлось упереться ладонью в горячий металл крыши. Тело копило долги двое суток и теперь предъявляло их все разом. Свет резал воспаленные глаза до слез, а к горлу подкатывала тягучая тошнота.

Сергей открыл багажник. Молча. Даже он иссяк.

Они достали две тяжелые картонные коробки с вещдока-

ми из дома Сафиной. Всю химию, склянки и реактивы эксперты-криминалисты запаковали и увезли к себе в лабораторию после обыска. В этих коробках лежало то, с чем предстояло работать следствию: ноутбук Ланы, флешки, ежедневники и стопки личных записей. Сверху на коробку легла пухлая папка с материалами по Гвоздю — протоколы осмотра, опись изъятого, рапорты районных оперов и диск с записями с уличных камер.

Поднялись на свой этаж. Дневная смена уже вовсю гудела: кто-то орал в трубку, хлопала тяжелая дверь архива, в коридоре пахло сухой бумажной пылью.

В кабинете сгрузили коробки на диван. Олег сел за стол и раскрыл папку по Гвоздю. Он бегло пролистал страницы, убедился, что все подписи понятых на месте, и убрал документы в сейф — к делу Садовника. Отдельным корешком, отдельной скрепкой.

Туда же, в нижнее отделение сейфа, отправились опечатанные коробки из дома Ланы. Детально осматривать изъятое и выносить постановления на IT-экспертизу техники они будут позже. Сейчас на это не было ни времени, ни ресурса.

Олег захлопнул тяжелую дверцу, провернул ключ и набрал Мальцеву.

Она ответила на втором гудке. Судя по гулкому кафельному эху на фоне — уже в секционной.

— Варвара. Мне нужен приоритет по оружию. Как только

будет — сразу звони.

— Я знаю, — сухо ответила она. — Уже работаю.

Олег убрал телефон.

Сергей стоял у окна, прислонившись к подоконнику. Сигарету держал в пальцах, но не закуривал — просто бездумно мял фильтр.

— Постановление, — напомнил Олег.

Сергей оторвался от окна, грузно сел за свой стол и уставился в монитор с видом человека, которого попросили голыми руками разобрать реактор.

Пока он вбивал данные в бланк постановления об освобождении подозреваемого, Олег тупо смотрел в стену. В голове было пусто — не хорошей, прозрачной рабочей пустотой, а той, которая наступает, когда перегретый процессор просто отрубает все несущественные функции ради физического выживания организма.

Зажужжал принтер.

— Держи, — Сергей вытащил теплый лист и протянул напарнику. — Подпиши.

Олег взял ручку. Подписал. Проставил дату и время.

— Я заеду в ИВС по дороге, — Сергей, забрал документ и поднялся. — Отдам начальнику смены, пусть выпускают.

Олег коротко кивнул.

Сергей уже взялся за дверную ручку, когда створка подавалась внутрь.

В кабинет шагнул Александр Рудаков. В Управлении ге-

нерал-майора за глаза звали просто Сан Санычем. Мужик у едва перевалило за пятьдесят пять, но система давно выжала из него все соки.

Сан Саныч мог свалить на пенсию еще лет десять назад — уйти в тихую сытую безопасность какого-нибудь банка. Но остался. Дотянул до генеральских лампасов, работая громом-отводом между ними и верхами. Олег понимал: уйди Рудakov — и в его кресло тут же посадят очередного «эффективного менеджера», при котором таких, как они с Сергеем, сожрут при первом же нарушении регламента.

Сан Саныч оставался для них буфером, который брал на себя всю гниль от прокуратуры и адвокатов, давая следакам просто ловить убийц.

Но сейчас, глядя на то, как мешковато сидит на генерале форма, Олег остро чувствовал: Сан Саныч страшно сдал. Он откровенно дослуживал свой предельный срок и мечтал только о тихой даче и полном отсутствии Уголовного кодекса в жизни.

Сан Саныч окинул взглядом помятого Сергея, посмотрел на запертый сейф. И вздохнул — тяжело, по-отцовски.

— Постановление? — уточнил он, кивнув на лист в руках Вознесенского.

— На освобождение, — подтвердил Сергей.

— И слава богу, — Сан Саныч прикрыл за собой дверь и опустился на свободный участок дивана. — А то у меня с восьмью утра ее адвокат под дверью сидит. Молодой, ушлый,

костюм стоит как моя машина. Всю плешь мне проел, мозги чайной ложечкой выел. Права цитирует, процессуальные часы считает.

Сан Саныч достал из кармана платок, промокнул лоб и спрятал обратно. В его голосе Олег не услышал ни капли генеральского гнева — только бездонную усталость.

— У девочки, говорит, вторая форма допуска, закрытый НИИ Минобороны. Мол, если мы ее хоть на час без законных оснований передержим, он нам такую прокурорскую проверку устроит, что тошно станет всем. А мне этот геморрой на ровном месте вообще не уперся. Алиби у нее теперь железобетонное, убийство ночью было, пока она в изоляторе сидела. Так что отпускайте от греха.

— Папку по Гвоздю в сейф убрали, — хрипло отозвался Олег, с трудом удерживая фокус на начальнике. — Будем связывать.

Сан Саныч перевел взгляд на Волчанова. Внимательный, с тихой тревогой.

— Ты на себя в зеркало давно смотрел? Серый весь, глаза провалились.

— Нормально, — с трудом выдавил Олег.

— Нихрена не нормально, — спокойно отрезал Сан Саныч. — Сейчас Вознесенский бумагу в изолятор отнесет, химичку вашу выпустят — и марш по домам. Оба. Часа четыре поспать, это приказ.

— У Мальцевой вскрытие...

— Варя — девочка умная, сама все в лучшем виде опишет, — мягко, но тоном, не терпящим возражений, перебил Сан Саныч. Он тяжело поднялся, подошел к столу и похлопал Олега по плечу сухой, теплой ладонью. — А мне след-дак в состоянии клинической смерти на дежурстве не нужен. Усвоил?

Спорить с Рудаковым, когда тот включал «бабку», было бесполезно — да и сил на это не оставалось.

— Усвоил, Сан Саныч.

— Вот и ладно.

Генерал поправил съехавший галстук и вышел в коридор, чуть шаркая ногами — к дождю давали о себе знать старые болячки.

Олег проводил его взглядом, чувствуя, как в висках нарастает сухой гул переутомления.

— Ну что, — вздохнул Сергей. — Поехал я... — прозвучало как-то очень обреченно.

Они вышли вместе и остановились у машин.

Олег посмотрел на Сергея. При дневном свете было видно отчетливее — бледное лицо, красные белки глаз, руки двигались чуть медленнее, чем надо.

— Доедешь? — коротко спросил он.

— Конечно.

— Серый.

— Я сказал доеду, — Сергей потянулся к ручке двери.

Олег придержал его за плечо.

— Подожди. Попрошу Кравцова тебя подбросить, он только заступил.

Сергей открыл было рот — и закрыл. Посмотрел на Олега. Потом, против воли, усмехнулся.

— Ладно. Зови своего Кравцова.

Олег отзвонился коллеге. Дождался, пока он выйдет и заведет служебную «Шкоду». Потом проследил, как Сергей упал на пассажирское сиденье. Он постоял, пока они не скрылись за аркой Управления, и только потом подошел к своей машине, сел за руль и захлопнул дверь.

Тишина навалилась мгновенно. Теплый, прогретый солнцем салон. Гул проспекта за стеклом казался далеким, ненастоящим.

Олег достал из кармана ключи. Собрался завести двигатель. И замер, закрыв глаза, просто чтобы дать мозгу пять секунд темноты.

И все.

Очнулся он от звука.

Не от сигнализации, не от телефона. Прозвучал негромкий хлопок пассажирской двери.

Олег открыл сонные глаза.

Лана Сафина сидела рядом с ним на переднем сиденье. На коленях — прозрачный пластиковый пакет с личными вещами, которые ей вернули после освобождения: документы, ключи, какая-то мелочь. Она смотрела прямо перед собой.

Секунды три Олег молча изучал ее профиль. Его созна-

ние, заточенное на поиск угрозы, сейчас отчаянно сбоило. В его картине мира она была Садовником. Алиби у нее было неубиваемым, но интуиция Олега, которая очень редко ошибалась, отказывалась отпускать эту версию.

Для него она сейчас была не женщиной. Она была ожившим делом №43.

— Это моя машина, — наконец ровно произнес он.

Это было неожиданно. И в то же время как будто неизбежно. Он чувствовал этот момент как часть какой-то невидимой, но логичной цепи событий.

Ночью, под мертвым светом ламп в допросной, ее глаза казались ему просто темными. Но сейчас, когда она повернула к нему голову, дневное солнце ударило через стекло, и радужка вдруг вспыхнула глубоким зеленым. Слишком живым цветом для сухой строчки из уголовного дела.

— Было бы забавно, если бы важняк угнал чужую, — уголки ее губ едва заметно дрогнули. — Мою машину вы забрали на экспертизу. Меня всю ночь продержали в камере. Обшманили мой дом, копались в белье, наверняка выгребли все пробирки. Теперь, как джентльмен, вы просто обязаны отвезти меня домой, товарищ майор.

Она не боялась. И это цепляло Олега больше всего. Он привык, что люди рядом с ним ломаются, а она сидела так, будто это он здесь в ловушке.

Сначала Олег достал телефон и взглянул на часы. Пять секунд темноты обернулись в час крепкого сна. Потом он мед-

ленно, нарочито неторопливо, завел двигатель.

— Джентльмен, Лана, — голос звучал сухо, — должность не штатная. И обычно я не работаю личным водителем у тех, кого только что отпустил по делу о серийных убийствах. Но раз ваша жизнь зависит от моего... рыцарства, — он выплюнул это слово с легким сарказмом, — могу сделать исключение.

Олег проследил за тем, как она пристегнула ремень. В нем не было ни капли сочувствия или желания помочь. Только голое любопытство и холодный расчет. Он хотел узнать больше. Хотел понять.

Олег выехал со двора. После сна, хоть и недолгого, организм хоть чуточку взбодрился.

— Раз наша доблестная полиция выдернула меня из дома, то справедливо будет вернуть туда, откуда и забрали. Можно?

Олег посмотрел туда, куда кивнула Лана. В нише под магнитолой лежала зажигалка и новая пачка сигарет. Он держал у себя пачку для Сергея, так же, как Сергей хранил для Олега кофейные зерна.

— Угощайтесь.

Она потянулась за сигаретами. Рукав худи слегка задрался, и Олег невольно зацепился взглядом за полоску открывшейся кожи. На внутренней стороне тонкого запястья белели старые шрамы от порезов. Несколько ровных, серебристых полос. Аккуратных, давно заживших, но таких, которые ни

с чем не перепутаешь.

В ту же секунду в заторможенную голову Олега ударила вспышка. Мозг вдруг выхватил из памяти кристально чистую картинку.

Два месяца назад. Полупустой бар на Петроградке. Он сидел у стойки, наглухо вымотанный, с черной дырой внутри. И рядом подсела *она*.

Лана пыталась заговорить, вытянуть из него хотя бы имя. Но Олег просто закрылся. Машинально считал шрамы на веках, машинально повесил ярлык и грубо отшил.

Женщины казались ему лишним шумом, требующим ресурса, которого у него не было. Очередная депрессивная девочка в баре не вызвала у него ничего, кроме раздражения. Он даже не дал ей шанса.

Пальцы Олега сильнее сжали оплетку руля.

Вот оно что.

Пазл со щелчком встал на место. Но от этого стало только хуже.

Внутри закипела злая, почти животная фрустрация. Он хотел, чтобы она оказалась Садовником. Хотел видеть в ней убийцу, потому что это объясняло бы ту нездоровую, наэлектризованную тягу, которая возникла между ними в допросной.

Но шрамы выдернули его в реальность. Она не была абстрактным монстром. Взгляды в допросной, ее нелепая фраза про трусики, все это не было игрой психопатки, пытаю-

щейся сбить следака с толку. Это были взгляды женщины, которая смотрела на мужчину, который ей когда-то понравился.

Его система координат рухнула.

Он включил поворотник, перестраиваясь в левый ряд, злясь на себя за то, что вообще позволил этой мысли появиться.

И самое конченное во всей этой ситуации было то, что именно сейчас Лана его зацепила. Не когда сидела рядом в платье, а когда появилось подозрение, что она может оказаться серийным убийцей.

Тогда, в баре, она была просто сломанной женщиной. Скучной и ненужной. Но теперь, когда на ее папке стоял гриф особой важности, а за ее тихим голосом маячила тень Садовника, его потянуло к ней, как магнитом. Не как к женщине, а как к той, на кого реагировали его инстинкты.

«Какой же я отбитый ублюдок», — безразлично констатировал Олег про себя.

— На следующем светофоре лучше уйти правее, — вдруг спокойно произнесла Лана, выбросив окурок. — На Энгельса сейчас наверняка пробка. Если свернем на Тореза, сэкономим время.

Олег бросил короткий взгляд на навигатор на панели, куда успел вбить адрес. Система действительно начала закрашивать прямой маршрут бордовым цветом. Он плавно крутанул руль вправо.

Тишина в салоне снова начала сгущаться, давить на виски, и Олег, к своему собственному раздражению, понял, что должен ее чем-то заполнить. Иначе его мысли снова свернут не туда.

— Дом в Озерках, — он попытался вернуть контроль над ситуацией и загнать Лану обратно в рамки подозреваемой. — Недешевое удовольствие.

Она удобнее устроилась на сиденье, прижимая к себе прозрачный пакет с вещами.

— Это дом Аллы Викторовны.

В голосе были и тепло, и грусть одновременно — настоящие, не наигранные, будто она произносила имя человека, которого до сих пор не отпустила до конца.

— Родственницы?

— Нет. Моей преподавательницы. Органическая химия, три курса подряд. А потом у нее начались проблемы с ногами — сначала трость, потом уже почти не вставала с кресла без посторонней помощи. Своих студентов она к тому моменту давно отпустила, а я так и осталась — возила продукты, сидела на кухне, слушала, как она ругает современную молодежь и хвалит лабораторную технику восьмидесятых. Ей было почти девяносто.

Она чуть помолчала.

— У нее тоже толком никого не было рядом. Как и у меня, если разобраться.

Олег коротко покосился на нее. Строчка из досье всплыла

сама: Детский дом «Заря».

— И оставила вам дом?

— Умерла во сне, тихо, как и жила. А через месяц после похорон — дарственная у нотариуса, оформленная еще за два года до этого. Я даже не знала.

Лана замешкалась, будто взвешивая, стоит ли продолжать.

— А потом откуда ни возьмись нарисовался ее сын — обнаглевший до предела тип, который последний раз навещал мать лет пять назад, да и то на юбилей заскочил на двадцать минут. И вот он уже стоит на пороге с юристом и разговорами о том, что «дом должен остаться в семье».

— И что вы сделали? — Олег уже видел в голове, как охреневший козел с наглой мордой и стопкой ксерокопий врывается в дом, где мать в свое время наверняка пекла ему блины по выходным, требует ключи и грозит судом — при этом не удосужившись даже приехать, пока она болела. Внутри неприятно екнуло, кулаки сами собой сжались на руле: будь его воля, этот тип получил бы куда больше, чем просто вежливый отказ.

— Сначала хотела просто отдать. Мне было противно из-за этого судиться — Алла Викторовна свои последние годы провела в тишине и покое, и таскать ее имя по судам казалось предательством. А потом подумала: к черту его. Его не было рядом ни разу, пока она болела. Я меняла ей капельницы, когда скорая ехала сорок минут. Я имею на этот дом

куда больше прав, чем он по одной крови.

Она произнесла это ровно, без всякого торжества в голосе — просто как еще один факт, который нужно было озвучить.

— Дом старый, конечно. Намучилась с ним. А потом как-то... прижилась, — на ее губах мелькнула слабая усмешка. — Родительскую квартиру продала. Вложились в дом. После этого внезапно выяснилось, что жизнь в частном доме — это не красивые ремонты из Pinterest, а попытки в три ночи понять, почему котел опять решил меня убить.

Олег невольно представил это слишком ясно. Темный дом. Растрепанная Лана в огромной толстовке. Холод. Открытый ноутбук с форумами. Яркие волосы, собранные карандашом. И газовый котел, который снова не работает.

Картина получалась удивительно обычной. Живой. Не вязалась.

Никак, блять, не вязалась с образом человека, который методично пронзал грудные клетки и оставлял в телах маки.

— Вы одна там живете? Не страшно?

— Одна, к счастью. Без призраков. Страшно было первый месяц. Потом привыкла, — она безразлично пожала плечом, глядя в окно на проплывающие мимо дома.

— К чему именно?

— Что любой шорох ночью — либо маньяк, либо котел, — уголок ее губ дрогнул в намеке на улыбку.

— Обычно это котел.

— Вы сейчас удивительно оптимистичны для следовате-

ля.

Олег впервые усмехнулся.

— А вы слишком бодры для человека, что часов десять отсидел в изоляторе.

— Я выспалась и меня покормили. А вы вообще спали?

— Два часа ночью.

— Ужас.

— Вам меня жалко?

— Нет. Просто теперь понятно, почему вы такой «добрый».

В голове все еще крутилась карусель мыслей о Садовнике и Гвозде. Но Олег поймал себя на том, что и зерна жевать сейчас его не тянет.

— Это я еще в хорошем настроении.

— Это после бессонной ночи-то? Боюсь представить вас в плохом.

— Правильно боитесь.

— А вы всегда так разговариваете с людьми? Или это только для подозреваемых специальный тариф?

— Для подозреваемых я обычно менее вежлив.

— О, то есть сейчас вы стараетесь мне понравиться? — она даже наклонилась ближе к нему, и Олег среагировал пронзительным взглядом.

— Алана, — устало произнес он, остановившись на световом форе и посмотрев на нее. — Вы флиртуете со следователем.

Лана несколько секунд выдерживала его взгляд. А потом

неожиданно тихо рассмеялась. Не нервно или смущенно. А так, будто ее искренне развеселили его слова.

— Вы выдаете желаемое за действительное, товарищ майор.

Олег даже растерялся. Совсем чуть-чуть. Это было настолько нагло, настолько спокойно сказано, что мозг просто не сразу обработал услышанное.

Она сейчас с ним заигрывала? И одновременно отрицала это?

У Олега внутри что-то неприятно дернулось. Потому что последние лет десять женщины рядом с ним либо начинали осторожничать, либо пытались понравиться слишком очевидно. А она сидела так, будто ехала не со следователем по делу о серийных убийствах, а со старым знакомым после неудачного свидания.

— Вы всегда такой молчаливый? — спросила Лана.

— Нет. Иногда я сплю.

Она снова посмеялась. И этот звук неожиданно оказался приятным. Не громкий, не наигранный. Очень живой.

Олег поймал себя на том, что прислушивается.

Плохой знак.

— А вы? — неожиданно для самого себя спросил он. — Всегда такая спокойная?

— Я в режиме энергосбережения.

До Озерков они доехали досадно быстро. Олег припарковался у ее участка. Заглушив мотор, вышел из машины вме-

сте с ней.

Здравый смысл орал, что нужно сесть обратно и уехать. Но он подошел ближе. Ему нужны были ответы.

Разговоры о котлах, преподавательнице и Питере остались там, в салоне, отрезанные от реальности толстым стеклом. Здесь, на солнцепеке, эта иллюзия близости испарилась за долю секунды.

— Вы не слышали и не видели ничего, Лана, — его голос изменился, став низким и ровным, без единой эмоции. Он не задавал вопрос. Он констатировал факт, который до сих пор казался ему невозможным. — Ничего необычного, находясь в двух шагах от места, где зверски убивали человека. В два часа ночи. В тихом переулке. Вы точно уверены в этом?

Он проверял. Пытался найти хоть малейшую трещину в ее спокойствии, в истории. Если она не Садовник, то кто? И почему ее мир, мир химических экспериментов, так подозрительно пересекается с миром, где цветут кровавые маки?

— Если считать новости о Садовнике правдой, то он убивает одним точным ударом в сердце. Не думаю, что там происходила борьба, которую я могла бы услышать, сидя в машине с работающим двигателем, поднятыми окнами и включенной музыкой.

Олег не отвел от нее взгляда. Она была достаточно высокой для женщины, но Олег все равно нависал над ней мрачной черной скалой. Только сейчас, впервые стоя так близко, он обратил на это внимание. И на то, как солнце переливает-

ся в рыжих волнистых волосах, что она распустила, создавая иллюзию живого пламени.

— Хотите зайти на кофе? — проговорила она до того, как он успел продолжить давить вопросами. Приглашение. Прямое.

Он выдержал паузу. Его глаза, словно два ледяных озера, смотрели прямо в ее, не выражая ничего, кроме этой бездонной, нечитаемой глубины. Внутри него боролись профессионал, который знал, что это непростительно, и охотник, который чувствовал добычу или, скорее, родственную душу, которую нужно понять.

— Кофе, говорите? — Олег произнес это слово с легкой, почти незаметной усмешкой, которая не коснулась глаз. — С только что освобожденной подозреваемой, чье алиби еще предстоит проверить досконально?

Он наклонился ниже, по привычке пытаясь задавить своей аурой. Но Лана лишь приоткрыла губы, дыша чуть чаще. Она абсолютно его не боялась. Наоборот, по горящим глазам Олег прочитал прежний интерес.

— Если вы собираетесь говорить... — он сделал паузу, его взгляд скользнул по ее лицу, задерживаясь на губах. — То будем говорить о деле. И о маках. Всегда о маках.

Он не принял и не отверг. Он изменил условия. Сделал их своими. И ждал ее ответа, полностью готовый к любому развитию событий. От этого решения зависело все.

— Душнила, — забавно фыркнула Лана, и ее палец, тон-

кий и изящный, неожиданно коснулся кончика его носа.

Она легко развернулась и пошла к дому, не оборачиваясь. Ключи, замок, открытая дверь.

Олег замер. Это было настолько неожиданно, настолько интимно и дерзко, что даже его стальное самообладание на долю секунды дало сбой. В его глазах что-то мелькнуло — смесь удивления, раздражения и чего-то еще, более глубокого, что тут же было подавлено.

Но тут Лана ахнула, и Олег весь подобрался, едва ли не одним прыжком оказавшись рядом. Сработал инстинкт защитника, он накрыл ее своей тенью, едва не прижавшись грудью к спине. Одна рука легла на кобуру. Другая метнулась вперед, готовая обхватить женщину поперек талии и задвинуть за себя.

Но рука так и осталась просто поднятой. Олег увидел через плечо Ланы, что ее так взбудоражило. Ее дом, который он сам вместе с экспертами обыскивал утром.

В нос сразу ударил резкий, химический запах магнитной сажи — черная дактилоскопическая пудра траурной пылью покрывала дверные косяки, выключатели и глянцевые поверхности комода, на котором сиротливо белел оставленный протокол обыска.

Прямо перед Ланой простирался сплошной ковер из вывернутого наизнанку быта: паркет был усыпан сорванными с петель картинами и сотнями книг, которые следователи безжалостно пролистывали в поисках тайников и бросали как

попало. Диван в гостиной стоял наискось, лишенный подушек. Из распахнутых настежь шкафов языками вывалилась одежда с вывернутыми наружу карманами, а на кухонном столе, среди демонтированных вентиляционных решеток и косо сдвинутых банок с просыпанной крупой, сияло пустотой место, где раньше стоял ноутбук.

Ее судорожный вздох и севший голос прозвучали неподдельно. Это был шок, настоящая боль от того, что личный мир был так грубо нарушен. Реакция обычного человека.

— Простите, майор. Кофе отменяется, — прохрипела Лана, а затем рвано шагнула вперед и захлопнула дверь прямо перед его носом. Резко и окончательно.

Олег остался стоять на пороге. Тишина. Только легкий ветер шевелил волосы. Он смотрел на закрытую дверь, лицо было абсолютно непроницаемым. Внутри же бушевал целый вихрь.

Нос все еще ощущал легкое прикосновение чужого пальца.

Его аналитический мозг, несмотря на все это, уже работал. Реакция на разгромленный дом. Та самая уязвимость, которую он искал.

Если она не была Садовником, что-то в Лане затронуло в нем струну. А Олег Волчанов никогда не оставлял струну вибрировать, не понимая ее полного резонанса.

Глава 4

20:01 Бюро СМЭ

— А я люблю тебя, разве ты не видишь?... Стой, я прошу-у-у... Весь мир к ногам положу-у-у...

Воздух в коридоре морга всегда казался плотным, пропитанным густым запахом хлорки и чем-то неуловимо сладковатым. Олег привалился плечом к прохладной кафельной стене, засунув руки в карманы черных джинс.

В кой-то веки он чувствовал себя живым человеком. Пять часов глухого, непрерывного сна дома посреди дня сотворили настоящее чудо: бетонная плита усталости не исчезла, но стало гораздо легче. Он стал функционален, собран и менее раздражителен.

Сергей переминался с ноги на ногу рядом. Он привычно крутил в пальцах серебряную Zipro, то и дело раздражающе щелкая крышкой, и тихо, себе под нос, напевал, отбивая ритм носком выдавшего виды кроссовка. Иногда он принимался петь что-то из знаменитых песен. Иногда сочинял какой-то бред, не связанный рифмами. Сейчас был именно такой момент.

— Серый, завязывай со своим концертом, — Олег гипнотизировал взглядом обшарпанную дверь кабинета.

— Да ладно тебе. Без меня тут вообще атмосфера как в холодильнике.

— Это морг.

— Вот именно, — Сергей снова щелкнул зажигалкой.

Олег даже не повернул головы.

— Еще раз щелкнешь — заберу.

— Не заберешь.

— Заберу и выкину.

Сергей фыркнул, но зажигалка все-таки исчезла в кармане.

Когда они вошли в кабинет, Варвара сидела за столом под тусклой люминесцентной лампой. Перед ней дымилась кружка густого черного чая, а рядом лежала заполненная от руки карта секционного исследования.

— Живые? — Варя даже не подняла глаз от бумаг, делая глоток. — Заходите. Ваш пассажир готов, зашитый лежит.

Олег прислонился спиной к стене, скрестив руки на груди. Сергей с удовольствием прыгнул на стул рядом со столом Вари.

— Ну давай, не томи, — хрипло попросил Олег. — Порадуй нас чем-нибудь. Наш клиент?

— Ваш, — кивнула Варя, наконец посмотрев на следователей. — По характеру ранения и следам на костной ткани оружие соответствует тому, которым были убиты предыдущие жертвы. Колющее, трехгранное в сечении, максимальная ширина клинка около двадцати миллиметров. Входное отверстие имеет форму, соответствующую трехгранному сечению клинка — края завернуты внутрь, кожа вокруг отвер-

ствия подсохла и превратилась в пергаментное пятно. Клинок длинный. Тот самый ваш мизерикорд.

Сергей оживился, подавшись вперед:

— Глубина канала?

— Двадцать сантиметров, — Варя постучала ручкой по столу. — Пробил одежду, зашел в четвертое межреберье слева. Насквозь прошил легкое, сердечную сумку и вошел в левый желудочек. Смерть наступила от тампонады сердца буквально за пару минут. Кровь стремительно залила перикард, сдавила сердце снаружи, и оно остановилось. Наступило это, как я и говорила, около четырех утра. Тут без сюрпризов.

Варя достала из папки несколько свеженапечатанных фотографий макросъемки. Она разложила их на столе. На снимках была снята костная ткань.

— Посмотрите сюда. В предыдущие семь раз клинок заходил как по маслу — аккуратно, скользил по касательной, почти не задевая скелет. В этот раз он промахнулся сильнее обычного. Видите соскоб? Клинок пошел глубже. Раньше он работал чище.

— Ну, логично, — подал голос Сергей. — Если он действительно психанул из-за истории с Сафиной, тогда понятно, почему удар такой грязный

— Скорее всего, — согласилась Варя. — Из-за этого и угол опять улетел.

Олег подошел, навис сверху и усмехнулся, глядя на фото. Первые две жертвы Садовника они еще сомневались, но по-

том поняли: убийца не хирург, чтобы всегда одинаково бить в одно и то же место.

— Да у него эти углы каждую жертву гуляют. То снизу вверх ткнет, то сбоку. Понятно, человеческий фактор. Один сидел, другой стоял, третий пятился. Главное — почерк совпадает. Орудие то же, труп на спине, один удар.

Полчаса назад криминалист из ЭКЦ успел дать информацию по макам. Цветы были вставлены посмертно. На срезах стеблей была кровь, но признаков прижизненного контакта с раной не обнаружили. Особенно отметили исполнение: ни одного замятого лепестка, чашелистик абсолютно цел.

«Ну так это же его визитная карточка», — хмыкнул тогда Олег в трубку. — «Эстетику серии он нам портить не станет. На этом пункте мы его когда-нибудь и подловим».

— Спасибо, Варь, — лучезарно улыбнулся Сергей, взъерошив медные волнистые волосы. — Выпиши нам еще разрешение на выдачу тела для родственников, и мы поехали в Управление. Шеф заждался.

Сергей уже поднялся со стула, когда вдруг бросил на стол рядом с Вариными бумагами шоколадный батончик.

— Что делаешь после смены?..

— Ты ничего не перепутал? — лениво отозвалась Варя, не отрываясь от бумаг.

Сергей только ухмыльнулся и направился к выходу.

Олег забрал все бумаги и на секунду задержался взглядом

на батончике. Раздражение царапнуло резко и тупо. Он закинул в рот зерно и вышел следом.

Дверь с тяжелым хлопком закрылась за их спинами.

— Ну? — Сергей сунул руки в карманы коричневой ветровки, шагая по коридору. — Чего такой мрачный?

— От тебя голова болит.

— Это потому что я яркий и харизматичный.

— Это потому что ты не затыкаешься.

Сергей заржал себе под нос.

Дорога от Екатерининского проспекта до центра в девятом часу вечера была относительно свободной. Сергей вел машину, лавируя между редкими троллейбусами, а на коленях Олега шуршал большой бумажный пакет. Закончив все дела в Бюро, они заскочили на автовыдачу во «Вкусно — и точка», набрав бургеров и картошки.

Желудок Олега, не видевший нормальной еды со вчерашнего дня, после пяти часов сна требовал дани. Он развернул свой бургер, жадно куснул и посмотрел на напарника. Сергей одной рукой держал руль, а другой отчаянно пытался вслепую нащупать в пакете свою порцию, рискуя на очередном повороте влететь в поребрик на набережной.

— Рули давай, каскадер, — хмуро буркнул Олег.

Сергей среагировал с запозданием — вывернул руль чуть резче, чем требовалось, и машину качнуло. Пакет с картошкой на коленях Олега подпрыгнул, несколько ломтиков вывалились ему на джинсы.

— Каскадер сказал — каскадер сделал, — хмыкнул Сергей, ничуть не смутившись.

Олег стряхнул картошку обратно в коробку, не глядя на напарника, и поднес несколько штук к его рту.

— На, жуй. И на дорогу смотри.

— О, забота, — прошамкал Сергей, перехватывая картошку губами. — У тебя аж человеческие повадки прорезались.

— Рот закрой и глотай, — беззлобно отозвался Олег, засовывая ему в рот следующую порцию картофеля.

Несколько минут тишину нарушали только хруст фри и шум мотора. Мозг, подстегнутый калориями, снова вернулся к делу.

Олег смотрел в окно, прокручивая в голове уже не Гвоздя, а предыдущее убийство — Воронова.

— Камеры в аптеке точно без склеек? — спросил Олег, скормив напарнику последнюю длинную картофелину, и развернул для него бургер.

— Точно, — голос Сергея изменился — стал без обычной ленцы, суше. Он смотрел на дорогу, не на Олега. — Криминалисты сказали, что таймкоды чистые, картинка сплошная. Сафина там стояла, бледная как смерть, таблетки от мигрени ждала. Хотя она итак это... «аристократическая бледность». Расплатилась картой. От аптеки до двора с Вороновым две минуты езды, плюс-минус. Камеры оттуда подтверждают, что она именно через это время в переулок и заехала.

— Если она это сделала, — подумал Олег, — то проехала под камерой, выскочила, убила и вернулась до того, как выехала из слепой зоны. — Он аккуратно передал бургер напарнику. — По времени успевала.

— Впритык, — Сергей перестроился в левый ряд.

— Но успевала.

— Теоретически — да.

Олег повернул голову:

— Ты сейчас сам с собой споришь?

— Я сейчас пытаюсь понять, как человек покупает таблетки от мигрени, а потом идет убивать, — укусил он бургер и проглотил.

Олег заранее подготовил бутылку колы, открутив крышку и устроив в подстаканнике.

— А как серийники ходят на работу?

— Не передергивай.

Пальцы Сергея на руле сжались чуть плотнее, чем требовало движение. Какое-то время он молчал, пока доедал и запивал все колой.

— После Гвоздя все стало страннее, — наконец сказал Сергей. — Если Садовник реально психанул из-за истории с Сафиной, значит там уже личное. А личное — это всегда геморрой.

— Или она просто очень хорошо умеет строить из себя жертву.

— Может быть, — спокойно согласился напарник. — Но

пока у нас против нее только кривое окно по времени и твое желание дожать эту версию.

— Хочешь сказать, я предвзят?

— Хочу сказать, что ты в нее вцепился.

Внутри мгновенно шевельнулось раздражение.

— Потому что она подходит.

— Или потому что тебя бесит, что она не ломается.

Олег не ответил. Не потому что не нашел слов. Потому что не был уверен, что сможет соврать убедительно.

20:49 Главное следственное управление

Проскочив полупустой центр, они притерлись к обочине на углу Мойки и Вознесенского проспекта. Вид отсюда открывался по-настоящему кинематографичный: колоссальный купол Исаакиевского собора залила золотая ночная подсветка, тяжелым глянцем отражаясь в темной воде реки.

А прямо перед ними возвышалось монументальное, строгое здание Главного следственного управления. В окнах второго этажа, где сидело руководство, всюду горел свет.

— О, Вознесенский приперся, — оживился дежурный за стеклом, когда они пересекли внутренний двор и вошли в здание. — Когда уже свой проспект ремонтировать начнешь, а?

У кофейного автомата тут же заржали двое оперов.

— Не давите на человека, у него, может, бюджет района не согласован.

Сергей даже шаг не сбавил. Пискнул пропуском о турни-

кет и лениво бросил через плечо:

— Еще один кукарек про мою улицу — введу вам платный въезд в Управление.

— Тебе бы только деньги с людей трясти, — хмыкнул Григорьев.

— Работа такая.

Олег молча пошел к лестнице.

Шутки закончились. Наверху их ждал Сан Саныч, Москва на телефоне и очень плохой доклад. Нужно было как-то объяснять, почему после железного алиби Сафиной дело стало только запутаннее.

Перед дверью кабинета Сергей коротко выругался себе под нос и быстро одернул рукава ветровки вниз, пряча забитые цветными татуировками предплечья.

Олег покосился на него:

— Боишься, Сан Саныч инфаркт получит?

— Не хочу лишать человека пенсии раньше срока.

Олег только хмыкнул и без стука открыл дверь кабинета.

Генерал-майор сидел за столом без кителя, в темной рубашке. Рядом дымилась переполненная пепельница, а на столе горой лежали папки и распечатки. Выглядел он смертельно устало.

— Докладывайте.

Олег положил на стол предварительное заключение Вари и фотографии с вскрытия.

— Убийство Гвоздя подтверждаем как эпизод Садовника.

Орудие то же. Почерк тот же. Маки посмертно. Но есть отличия по механике удара.

— Какие?

— Возможно, убийца был эмоционально нестабилен. Удар грязнее предыдущих. Избыточное усилие, повреждение ребра.

Генерал несколько минут изучал фотографии и заключение. Потом тяжело выдохнул и откинулся в кресле.

— Значит так, — он потер переносицу. — Девка ваша Гвоздя не убивала. Уже праздник. Хоть не совсем в говно сели перед Москвой.

Он потянулся к пачке сигарет, вытащил одну и несколько секунд просто крутил в пальцах, будто вспоминал, зачем вообще курить начинал.

— Но, — продолжил Сан Саныч, ткнув пальцем в фотографии с места убийства, — у нас все еще серийник, который четвертый месяц колет людей и делает из трупов клумбу. А наверху очень не любят, когда по телевизору начинают обсуждать, что Следственный комитет не может поймать одного психа.

— Москва уже звонила?

— Два раза, — буркнул Сан Саныч. — Один раз из Главка. Второй — какие-то особенно инициативные товарищи из аппарата. Очень переживают за имидж города перед форумом.

— Конечно. Трупы-то форуму рейтинг портят, — не удерживаясь,

жался от своих пяти копеек Сергей.

Сан Саныч устало посмотрел на него:

— Вознесенский, ты либо шути смешно, либо не шути вообще.

— Принял, товарищ генерал-майор.

Старый кондиционер безразлично гудел под потолком.

Олег стоял напротив стола, привычно прямой и собранный.

— Что по Сафиной дальше думаете? — спросил Сан Саныч.

Перед глазами снова вспыхнуло тело Гвоздя. Развороченная грудная клетка. Слишком сильный удар. Ярость, которой раньше не было. Ярость на систему за ошибку. За «присвоение» его лавров постороннему человеку.

Но озвучивать такое сейчас было нельзя. Это прозвучало бы как бред или попытка натянуть психологию туда, где пока не было ни одного прямого доказательства.

И означало бы, что Лана абсолютно невиновна. А Олег не хотел этого признавать.

«*Нужно съездить в лес*», — подумал Олег. В густой чаще он находил успокоение.

— По Садовнику она отпадает. Но я хочу доработать эпизод по Воронову.

Сергей коротко покосился на него, но промолчал.

Сан Саныч кивнул.

— Нормально. Без цирка только, — он наконец закурил.

— И очень вас прошу, мужики... — генерал устало посмотрел сначала на Олега, потом на Сергея. — Вы, главное, не торопитесь делать из этого аккуратную картинку. Реальные психи обычно ломают логику в самый неподходящий момент.

— Москва что хочет? — нетерпеливо спросил Олег, чтобы перескочить на тему побезопаснее.

— Чтобы маньяк желательно сам пришел с повинной до форума, — невесело усмехнулся генерал.

— Ну, попросить-то можно.

— Вознесенский, я сейчас серьезно.

— А я разве смеюсь? — Сергей вскинул брови с наигранной невинностью.

Генерал ткнул сигаретой в сторону папок:

— Они уже начинают нервничать. Четыре месяца без результата, труп в центре города, пресса вынюхивает. Еще немного — и пришлют какую-нибудь комиссию из Москвы. А я слишком стар для всей этой показухи.

Он сделал долгую затяжку и устало прикрыл глаза.

— Ладно, — хрипло произнес Сан Саныч. — Идите работайте. И найдите мне уже этого садовода гребаного, пока я раньше него не сдох.

Из кабинета генерала напарники вышли уже ближе к половине десятого.

— Серый, возьми повторно камеры по Воронову. Дворы, выезды, соседние перекрестки. Мне нужны все машины ря-

дом за тот промежуток.

— Передам операм. И сам просмотрю ключевые записи. Они вернулись в кабинет. Из оставленного открытым окна тянуло холодом.

Сергей закрыл окно, проворчав, что снова простудит поясницу, потом приземлился в кресло и пропал за монитором. Через минуту из колонок потянулся приглушенный городской шум: ветер бился в микрофон камеры, где-то рядомшины шуршали по влажному асфальту.

Олег сидел, откинувшись на спинку кресла, и несколько минут просто вслушивался в эти звуки. Потом заставил себя вывести рабочий компьютер из спящего режима. Открыл стандартный шаблон постановления, и пальцы застучали по клавишам. Печатал и стирал несколько раз, словно мысль отказывалась нормально формулироваться. Через бесконечные десять минут все же вбил основание, перечислил материалы, на которые опиралось решение, и нажал на печать.

Старый принтер на краю его стола натужно зажужжал и выплюнул теплый лист.

Олег перечитал набранный текст: *«Уголовное преследование в отношении Сафиной Аланы Андреевны прекратить в связи с непричастностью к совершению преступления».*

«Непричастностью». Слово царапнуло мозг. Раздражало сильнее, чем должно было. Он взял ручку и оставил подпись, едва не порвав бумагу.

— Всё? — выглянул из-за монитора Сергей.

— Всё.

Олег вложил лист в дело, закрыл папку. Шагнул к сейфу, но вернулся, чтобы аккуратно передвинуть клавиатуру ровно по центру стола. И только потом дошел до сейфа. Ключ с трудом провернулся в замке, что Олег давно собирался смазать. В нижнем отделении стояли небольшие картонные коробки.

Одну за другой, Олег переложил их на диван. Внутри покоился ноутбук и ежедневники с личными записями и формулами Ланы, которые она вела, кажется, со времен университета: настолько много их было. Чужие пальцы касались этих ежедневников, наверное, каждый день. А теперь коробка должна была просто уехать обратно, так и не рассказав ничего.

Статус подозреваемой с Ланы сняли. Экспертиза больше не имела законных оснований копаться в ее жизни — вскрывать переписки, читать заметки, разбирать по буквам все, что она когда-либо доверила клавиатуре. С юридической точки зрения дело было закрыто настолько, что дальше вопрос не обсуждался.

Но что-то внутри отказывалось подписываться под этим «закрыто».

Он не мог объяснить это разумно — ни себе, ни тем более на бумаге. Не было ни единой зацепки, ни одной строчки в законе, которая позволила бы удержать эту коробку у себя еще хоть на день. Но возвращать не хотелось. Как буд-

то вместе с этим барахлом из его рук уходило единственное, что связывало его с Ланой хоть какой-то официальной, объяснимой причиной.

Олег смотрел на коробки, будто в последний раз проверяя, не забыл ли чего.

Забыл. Причину.

Он вернулся за стол и достал телефон. Экран засветился, ослепив на секунду в полумраке кабинета. Набрал номер ЭКЦ.

— Ром, не отвлекаю? — голос звучал ровно, будто он читал сводку, а не закрывал последнюю ниточку. — По телефону Сафиной — отбой. Статус снят, выгрузка не нужна. Готовь к возврату вместе с зарядкой. Завтра утром опера заберут.

Он положил телефон на стол экраном вниз. Постучал пальцами по столешнице — раз, другой — и снова взял трубку, не дав себе времени передумать.

Дежурка ответила сонным, простуженным голосом.

— Документы по машине Сафиной поднимите, — сказал Олег. — Готовьте акт приема–передачи на завтра. Будем возвращать владельце.

Дежурный что-то буркнул, зашуршали бумаги на том конце. Олег дождался, пока звук стихнет, убедился, что его записали, и сбросил вызов.

Оставался последний номер. Он набрал его не сразу — просто сидел, глядя на темный экран монитора, где отражал-

ся его же собственный уставший силуэт. Потом все-таки нажал вызов.

— Лех, это Волчанов, — голос стал чуть тише, будто разговор был не совсем служебным. — Тихо прокатитесь мимо дома Сафиной в Озерках. Просто посмотрите, все ли спокойно. Без контакта. Не светись. Если что странное — сразу звони мне.

Он убрал телефон в карман. Не сразу — на секунду задержал руку там, будто ждал, что аппарат снова зазвонит и отменит все, что он только что сделал.

Сергей нашел на столе кружку с надписью «Лучший следователь», заглянул внутрь, будто кофе магическим образом должно было там материализоваться само. Пусто.

— Думаешь, к ней полезут?

Перед глазами снова вспыхнула развороченная грудная клетка Гвоздя. Синяк от гарды. Слишком сильный удар.

— Думаю, после сегодняшнего лучше перестраховаться, — ответил Олег, не поднимая взгляда от бумаг.

Это было почти правдой.

На сегодня работа была закончена. Они выключили компьютеры и свет. Олег запер дверь на ключ, придерживая одной рукой увесистую коробку. Вторую подхватил Сергей — без единого слова, просто взял, будто делал это уже сотню раз.

На парковке они ненадолго остановились, чтобы погрузить все в багажник обычной черной «Нивы» Олега. Ноч-

ной воздух после кондиционированного кабинета показался неожиданно резким — пах бензином и близкой рекой.

Олег опустил коробку — аккуратно, двумя руками, будто внутри было что-то бьющееся. Сам завезет. Когда время по-явится.

— Ты домой? — спросил Сергей, подходя к своей машине, ключи звякнули в пальцах.

— Покатаюсь. Проветрю голову. И спать.

Сергей не стал спорить. Просто кивнул и вскоре хлопнул дверью.

Олег еще несколько секунд стоял у открытого багажника, глядя на коробки с чужой жизнью внутри. Потом закрыл крышку — резче, чем требовалось.

Когда в час ночи он сидел на корточках у кромки воды где-то в глухом лесу и зачерпнул холодную реку ладонями, телефон в кармане куртки коротко завибрировал.

Сообщение от Лехи:

«Домой Сафина не возвращалась. Пусто. Уезжаем».

Глава 5

16 августа

08:39 Главное следственное управление

Утреннее управление пахло кофе, бумагой и недосыпом.

За ночь ничего не изменилось: те же серые стены, те же уставшие лица, тот же бесконечный шум принтеров и телефонов.

Олег бодро поднялся по лестнице.

Тело расслабилось, голова работала четко и холодно, будто кто-то заново выставил фокус. Даже вечная раздражительность притихла.

Это было почти хорошее настроение.

На втором этаже уже гудели кабинеты. Кто-то ругался над протоколом, в дальнем конце коридора сонный опер спорил с криминалистом из-за потерянной флешки.

Сергей сидел на краю стола Олега. В одной руке он держал бумажный стаканчик с кофе из автомата, а в другой телефон. Выглядел он еще бодрее Олега. Побледнели синяки под глазами, взгляд стал привычно живым. Видимо, нормально выспался в кой-то веке.

— О, явился, — хмыкнул Сергей, бросив на Олега взгляд. — А я уж думал, ты реально уехал медитировать где-нибудь на КАДе.

Олег кинул папку на стол.

— Что ночью было?

— По Гвоздю район почти пустой, — показал он экран телефона со сводками. — Камер мало, половина смотрит в никуда, остальные — в пиксельное месиво. Технари сейчас пытаются вытянуть одну запись с автомойки через дорогу.

Сергей отхлебнул кофе.

— Машина и телефон Сафиной готовы для возврата. От тебя только ждут постановление.

— Черт. Сейчас, — про постановление Олег и забыл. Он безапелляционным жестом согнал напарника со своего стола

и ткнул на кнопку на системнике под столом.

Пока система лениво загружалась, он вспомнил сообщение от Лехи. В час ночи Ланы дома не было, и Олег подумал, что после изолятора она вполне могла забиться к какой-нибудь подруге. Или просто снять номер в гостинице, потому что оставаться одной в пустом доме после допроса и новостей по всем пабликам — сомнительное удовольствие.

Рациональная часть мозга именно это и подсказывала. Но другая мысль все равно перевешивала — а если она была не одна? Если Лана поехала не прятаться от страха, а встретиться с сообщником?

Олег кое-как стянул кожанку, оставаясь в черной водолазке, и бросил ее на диван. Кожанка соскользнула вниз, рукав оказался на полу. Сергей цокнул языком и переложил вещь нормально.

Олег пощелкал мышкой, напечатал несколько слов, и вскоре уже подписал документ. Как вчера возиться пятнадцать минут не вышло — Сергей едва ли не стоял над душой.

— Там Михалыч на этаже терся, передай, пожалуйста, — протянул лист Олег.

Михалыч был майором, старшим опером, входил в состав следственно-оперативной группы и координировал работу «на земле».

— Нашел тут мальчика на побегушках, — проворчал Сергей, но бумагу взял, скрутив в трубочку.

— Не успеешь его перехватить — отправлю самого везти

в ЭКЦ.

Хлопнула дверь. Олег быстро глотнул кофе из оставленного стаканчика — холодный, мерзкий, но лучше, чем ничего. Поставил обратно, ровно туда, где стоял. Не хватало еще, чтобы Сергей полдня зудел про «свое, личное, священное». Зазвонил телефон, и Олег едва полноценно не опрокинул стаканчик на пол.

— Да, Дед? — ответил он на вызов, достав телефон из кармана.

— Понимаю, по Сафиной «стоп», — начал эксперт, не заморачиваясь приветствиями. — Но я тут нашел кое-что интересное в ее пробирках...

— Выезжаем, — бросил Олег, понимая, что в ЭКЦ все же ехать придется самим.

Внутри что-то удовлетворенно заворочалось. Значит, причины еще оставались.

09:20 Экспертно-криминалистический центр МВД

Лаборатория встретила их сухим холодом кондиционеров, ровным белым светом ламп и тяжелым запахом спирта.

За стеклянными перегородками гудели приборы. Где-то монотонно вращалась центрифуга. Молодой лаборант в маске торопливо перебирал пробирки в штативе.

Олег шел по лаборатории, сунув руки в карманы тактических брюк.

После вылазки в лес тело наконец перестало зудеть от внутреннего напряжения. Голова работала спокойно и четко.

Мир снова выстроился в понятную структуру: факты, версии, люди, которых нужно ломать.

Это ощущение контроля было почти приятным.

Саня Абрамцев, он же заместитель начальника ЭКЦ, сидел за спектрометром — помятый, с красными глазами и стаканом чая, разбавленного до прозрачности. Тридцать три года, а прозвище «Дед» приклеилось к нему намертво еще в первый год работы — за въедливость, ворчание по любому поводу и привычку перепроверять все по три раза, даже когда все вокруг были готовы подписать заключение вслепую. Раздражал этим страшно. Но именно поэтому его заключениям верили без вопросов — даже прокуратура.

— Ну наконец-то, — буркнул эксперт. — Я уже думал, вы решили сегодня вообще не приезжать.

Сергей тут же полез к стеклянной банке с карамельками.

— Сань, одну возьму.

— Вознесенский, это мой стратегический запас.

Саня развернулся на кресле, и лабораторный свет выхватил его лицо целиком. Темно-русые лохматые волосы. Серые глаза — и характерная, едва заметная привычка щуриться, оставшаяся с тех времен, когда на переносице у него полжизни сидели очки. Год назад он наконец сделал коррекцию, но привычка щуриться, разглядывая мелкий текст или спектр на экране, осталась при нем навсегда — будто тело отказывалось верить, что зрение действительно исправили. Лицо у него было по-настоящему красивым — прямой нос, рез-

кая линия челюсти, — но всю эту картинку портила вечная сутулость: плечи поджаты, спина сгорблена, как будто годы за микроскопом и монитором отпечатались в позвоночнике сильнее, чем в зрении.

Сергей все равно стащил конфету.

Олег подошел к монитору. На экране была раскрыта программа анализа — темная сетка координат, две цветные линии поверх нее, каждая испещрена острыми, неровными зубцами пиков.

Саня несколькими кликами вывел оба спектра на график, один поверх другого.

— Красный — архивный образец. Январское дело, — он кивнул на экран. — Синий — смыв из пробирки Сафиной.

Олег взгляделся. Красная линия шла через весь график — сначала ровными, читаемыми зубцами, а потом, где-то на середине экрана, срывалась в плотный, беспорядочный шум: пики налезали друг на друга, дрожали, путались, будто кто-то там нарочно свел сигнал с ума.

Синяя линия вела себя иначе. Она в точности повторяла красную на всём читаемом участке — зубец в зубец, пик в пик, будто кто-то обвел контур по трафарету. Но там, где у красной начинался хаос, синяя просто заканчивалась. Обрывалась в чистую, ровную пустоту. Ни шума, ни всплесков — вообще ничего.

— Помните историю после Нового года? — спросил Саня. — Когда кто-то вынес экспериментальные препараты со

склада Минобороны.

— Конечно. Это дело тогда Толик-Календарь вел, — вспомнил Олег тот безумный январь и Толика из соседнего кабинета. Календарем его прозвали за то, что он вечно с маленьким календариком в кармане рубашки ходил и исправно дни до днюхи зачеркивал, будто дембель. Он свой день рождения всегда ждал сильнее, чем раскрываемость по району.

Какая-то дрянь появилась в городе всего на пару недель. По Питеру тогда быстро поползли слухи про новый препарат для пыток. Название всплыло почти сразу.

«Феникс».

Толик успел накопать несколько мутных криминальных историй, а потом сверху прилетел приказ: приехали хмурые люди в форме и забрали дело.

Но Саня тогда, видимо, успел сохранить цифровой спектр вещества.

— Полноценную ампулу мы тогда так и не смогли нормально разобрать, — продолжил Саня. — Препарат был собран очень хитро. Как только содержимое получило доступ к воздуху, активная часть начала быстро разрушаться.

Он ткнул ручкой в рваный шум на первом графике.

— Вот здесь должен был находиться сигнал от активной части. Но мы его так и не считали — сгорела быстрее, чем прибор успел ее поймать. А вот все, что левее, — Саня обвел ручкой читаемый участок графика, — осталось целым. Успели снять до того, как испарилась активная часть. Вот

этот кусок мы тогда и сохранили.

— Дед, давай по-человечески, — хмуро попросил Сергей, потерев темно-коричневый плетеный кожаный браслет на левой руке. Олег зацепился за этот жест взглядом. Браслет был уже изрядно потрепанным: Олег украл его для Сергея еще в одиннадцатом классе, в подарок на день рождения. — Я следователь, а не Менделеев.

Саня развернулся на кресле. По поджатым губам было видно, как он во всю старается подобрать правильные слова, чтобы не расплавить мозги «гуманитариям».

— Если коротко... Вполне может быть, что препарат специально был собран так, чтобы никто не смог скопировать формулу и воссоздать. Своеобразная защита авторского права от создателя. «Это сообщение самоуничтожится после прочтения», — коротко хохотнул Саня от собственной шутки.

Напарники молча переглянулись.

Саня кашлянул и сделал глоток полупрозрачного чая из граненого стакана в подстаканнике — очередная дедовская привычка. Потом продолжил лекцию:

— Активная форма — считанные минуты. После введения действие начиналось практически сразу. А примерно через час в крови уже не оставалось ничего, что наша аппаратура могла бы уверенно связать с исходным веществом.

— То есть чистый фантом?

— Именно, — Саня удовлетворенно кивнул, будто нако-

нец дождался, что кто-то из «гуманитариев» уловил суть.

Саня ткнул пальцем в другой участок спектра. Его понесло. Олегу оставалось только активно напрягать извилины, чтобы разобраться в недоступной для него химии.

— Потерпевшие рассказывали, что испытывали дикую боль, будто их сжигали заживо. Но реальных ожогов ни у кого не было. Ни повреждения тканей, ни повышения температуры. Препарат вмещивается в передачу болевого сигнала. Один из главных каналов, через которые нервная система воспринимает жар и жжение, — TRPV1. Если каким-то образом заставить эти рецепторы работать на пределе, мозг получает сигнал такой силы, будто тело реально горит.

Олег перевел взгляд на график, стараясь сохранять нейтральное выражение лица. Санино «по-человечески» все равно скатывалось в термины и непонятные названия.

— Муть какая-то.

— Нормально, — отмахнулся Дед. — У нас остался химический каркас. Основа вещества. Стабильный «скелет» молекул. И этот «скелет» один в один как в пробирке у Сафиной.

— Слушай, — Сергей наклонился к столу, вглядываясь в цветные пики. — А ты сам... имея этот каркас, смог бы дописать формулу?

Саня замер. Ручка в его пальцах перестала вращаться. Он молча смотрел на спектр, и тишина в лаборатории стала почти осязаемой. Прошло секунд десять.

Он как-то тяжело, неприятно сморщился, словно от сильной досады, и качнул головой.

— Технически — наверное, да, — нехотя выдавил он. — Дай мне год, лабораторию получше этой и развяжи руки — я бы, скорее всего, пришел к похожему результату. Может, не тем же путем — через другой рецептор, скажем. Но по действию было бы похоже. Химия конечна. К ней рано или поздно приходят разными дорогами.

— Но не пришел, — заметил Олег.

Саня посмотрел ему прямо в глаза.

— Потому что одно дело — знать, как теоретически собрать такую дрянь. И совсем другое — сесть и вколоть ее живому человеку. Я хорош в первом. Во второе меня возмут только через мой труп.

— Запредельный уровень принципов, — Сергей достал Zipro и несколько раз щелкнул крышкой, явно пытаясь переварить услышанное. — А по мастерству? Че, реально это все так сложно?

— Прям гуру химии, — невесело усмехнулся Саня, снова опуская взгляд к монитору. — У меня самого в голове не укладывается, как вообще можно было просчитать такую архитектуру. Препарат действует минуты. Доставляет адскую боль. Не наносит вреда организму. И выветривается в течение часа, а может, и меньше.

— Значит, Сафина делала этот препарат? Дома что ли, подпольно?

— У нее в пробирке не готовый «Феникс», — сразу сказал Дед. — И даже не рабочий препарат. В пробирке Сафиной нет активной части. Без нее это может быть что угодно — экспериментальная база, промежуточный этап синтеза, вообще побочная разработка. Тут ничего не предъявишь. Но химический каркас идентичен.

Сергея выдохнул сквозь зубы:

— Пиздец.

Олег молчал. Перед глазами неожиданно всплыла Лана в машине. Сигаретный дым. Тихий смех. Спокойный взгляд.

А поверх этого — стерильная лаборатория, военные склады, вещество для попыток и идеально совпавшие линии на экране.

И внутри вместо нормального отвращения начало подниматься другое чувство. Тяжелое, темное. Интерес. Будто Звереныш наконец почувствовал что-то по-настоящему свое.

— Все материалы мне на почту.

— Уже отправил.

— И про «Феникс» пока помалкиваем.

Саня коротко усмехнулся.

— Да я как-то не мечтаю случайно исчезнуть, — попытался он пошутить.

Сергей нервно хмыкнул, но без привычного веселья. Он выпрямился, разминая затекшую спину, и уже собирался идти к двери, когда взгляд зацепился за что-то в углу лабора-

тории.

— Дед, а это что у тебя? — он присвистнул, шагнув к низкой тумбе у стены. Там, среди коробок с реактивами и стопок старых журналов, приткнулась потрепанная серая приставка с двумя проводными джойстиками, смотанными в аккуратный узел.

— «Денди», — не поднимая головы от монитора, буркнул Саня. — Моя.

— Серьезно? — Сергей взял в руки приставку, будто музейный экспонат, покрутил, разглядывая царапины на корпусе. — Ты в нее вообще играешь? Или просто ностальгия по девяностым, которых ты даже не застал толком?

— Играю. По ночам, когда весь этаж пустой, а мозг уже отказывается смотреть в спектр.

Олег улыбнулся, накидывая кожанку.

— Дед у нас, оказывается, живой человек. А я думал, тебя на заводе собрали вместе с прибором.

— Завидуй молча, Волк, — Саня наконец оторвался от экрана и мельком глянул на приставку в руках Сергея с почти отеческой нежностью. — «Марио» проходить, знаешь ли, спокойнее, чем ваши трупы разгребать. Там хоть принцесса в конце гарантированно жива.

Сергей аккуратно поставил приставку обратно на тумбу, будто боялся ее сломать.

— Дед, ты официально самый странный человек в этом здании.

— Спасибо, — невозмутимо отозвался Саня. — Старуюсь.

Напарники покинули царство Деда.

— Как думаешь, это может оказаться Лана? — спросил Сергей. — Химия, Минобороны. Это вполне может быть ее разработка. Или хотя бы часть.

Олег сам об этом подумал. Если это правда, тогда он был близок к разгадке, почему Лана могла заинтересовать его. Извращенное средство для пыток. Гуманист бы не придумал такого даже в кошмарном сне.

— Все равно это ничего нам не дает, — шаг Олега был особенно размашистым, широким, словно он вновь вернулся в армейские времена. Сергею пришлось ощутимо ускориться. — Это не имеет к делу Садовника никакого отношения.

— Так не в этом же был вопрос.

Они вышли на улицу. Небо над крышами набухло тяжелыми, почти лиловыми тучами, но дождя не было. Где-то далеко, за Невой, глухо и коротко проворчал гром — одна раскатистая нота, без продолжения. Воздух пах чем-то металлическим, предгрозовым, но ни капли так и не упало.

Олег остановился на ступеньках и посмотрел на напарника. Сергей ухмыльнулся и вытащил пачку сигарет. Встав под знаком «Не курить», он закурил.

— А вообще, — Сергей продолжил наступление. — На допросе я подумал, что на убийцу она не тянет. Слишком милая. А тут — пытки... Первое впечатление, как говорится,

всегда обманчиво, а?

Интересно, когда Сергей решил, что она милая? После фразы про трусики?

— Милыми бывают только котята.

— Но лапки она держит так же... — Сергей наспех докурил и бросил сигарету в урну.

Они продолжили путь к машине. Олег молчал.

— Не смотри так сурово, майор, — нараспев протянул Серега, снимая блокировку с «Форда» и вновь включив своего внутреннего артиста. — Выноси свой прямой приговор...

Олег вздохнул, на мгновение вознесся взгляд к небесам.

— Работаем дальше.

18:33 Главное следственное управление

Олег оторвался от протокола и посмотрел на наручные часы. День почти кончился, а по ощущениям — не начинался толком, просто размылся в один долгий, вязкий кусок.

Основное по Воронову они знали еще с ночи убийства — судимость за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, отсидел шесть лет, вышел два года назад. По оперативным данным, в девяностые начинал как обычный бандит, позже осел в тени — числился нигде, но регулярно всплывал в делах о вымогательстве, которые разваливались одно за другим: то заявители забирали показания, то свидетели вдруг «не помнили» ничего конкретного. Два дня назад это легло в ориентировку сухими строчками, копать глубже было некогда — сутки спустя взяли Лану, все силы ушли на нее.

Потом появился Гвоздь, и Воронов снова отъехал на второй план.

Сегодня добирали то, до чего раньше не доходили руки.

С утра, по возвращении из ЭКЦ, Олег вызвал Михалыча. Старший опер появился в дверях так же тихо, как появлялся всегда — без стука, без единого лишнего звука, будто просто соткался из коридорного полумрака. Его в Управлении вечно было почти не видно и не слышно. Но стоило дать ему задачу, как через несколько часов на столе уже лежал результат — без напоминаний, без доклада о процессе, просто готовый список.

— По Воронову — режим дня, — сказал Олег, раскладывая перед ним папку. — С кем виделся последние недели, где бывал регулярно.

Михалыч кивнул и исчез на весь день.

Сами следователи этот день провели без него, но не без дела. Пытались нащупать источник утечки в прессу — кто первым слил информацию о задержании Сафиной. Быстро уперлись в стену: кто-то из толпы у здания заснял на телефон, как Лану вели от машины ко входу в ИВС — смазанное фото со спины, не разобрать ни лица, ни особых примет, только силуэт в худи и пятно рыжих волос. Снимок разошелся по всем городским пабликам и телеканалам практически одновременно, час в час, будто его просто скинули сразу в десяток чатов. Искать источник не было смысла — источником была вся улица. Тему закрыли — не потому, что расхо-

телось, а потому что копать дальше значило топтаться на месте.

Хорошо, что кроме фото фамилия так и не всплыла — иначе к проблемам Ланы добавились бы еще и новые, куда более неприятные: адрес, коллеги, соседи, толпа под окнами. Олег поймал себя на этой мысли еще утром, разглядывая размытый снимок с чужого телефона, и с тех пор она то и дело возвращалась, отвлекая от текста протоколов. Легче от этого не становилось. Кто-то посторонний влез в то, что он с самого начала считал только своим — странное, наэлектризованное пространство между ним и Ланой. Чужой человек с телефоном, случайный кадр — и вот теперь весь город смотрел на нее, обсуждал ее, строил догадки, а Садовник, возможно, из-за этого снимка пошел убивать. Олега это раздражало почти физически: не утечка сама по себе, а то, что кто-то посторонний влез в игру, которую он ни с кем не собирался делить.

Днем пришел промежуточный ответ по силуэту с автомойки — идентификация по походке требовала более чистой записи, работа растягивалась минимум на несколько дней. Опера на Литейном без остановки добивали оставшиеся квартиры своими силами — Олег с Сергеем лишь изредка запрашивали короткие сводки: пусто, пусто, снова пусто.

Ближе к пяти вернулся Михалыч с материалом по Воронову. С Литейного тоже подоспела финальная сводка от района — обход закончили, но добавить оказалось нечего: еще

несколько человек, еще одно и то же «слышали шум дождя, больше ничего».

Михалыч выложил папку на стол.

— По Воронову есть кое-что. Каждую ночь примерно в одно и то же время, он возвращался домой одним и тем же путем — через двор в Коломягах. Не первую неделю, судя по детализации звонков и геолокации. Маршрут стабильный, минута в минуту почти каждый раз.

Олег взгляделся в распечатку.

Кто-то наблюдал за ним достаточно долго, чтобы выучить его привычки наизусть — и выбрал момент, когда Воронов, ни о чем не подозревая, шел домой той же дорогой, что и всегда.

С этой мыслью он и просидел остаток дня — дописывая протоколы, сверяя показания, то и дело возвращаясь взглядом к утренней распечатке спектра из лаборатории Сани. Скелет вещества, идентичный тому, что нашли у Ланы. Фото со спины, разлетевшееся по всему городу. Дом в Озерках, куда он сам, необъяснимо для себя, отвез ее вчера.

Три вещи, которые не должны были складываться в одну картину. Но почему-то складывались.

— Может, в бар сходим? — предложил Сергей, выключая компьютер.

Олег поднял голову. Глаза были усталыми, но взгляд оставался цепким, будто он и не думал отпускать эту нить весь день.

— Нет, Серый. Я еще немного посижу.

Он не стал объяснять, что дело не в бумагах. Что «Феникс» и Лана заняли в его голове слишком много места, чтобы сейчас отвлекаться на бар и разговоры. Ему просто нужна была тишина — разложить по полочкам этот новый, слишком уж настойчиво притягивающий его к себе поворот.

Сергей нахмурился, одергивая ветровку. Но в итоге просто пожал плечами, видимо, решив не настаивать.

— Как знаешь. Тогда до завтра, — Сергей пожевал губу.
— Я, пожалуй... хотя нет, тоже просто завалюсь домой. Отдохни хоть немного, Олж.

Олж для вида кивнул. Но он не собирался отдыхать. Сон был роскошью, когда в голове роились такие вопросы.

Когда дверь за Сергеем закрылась, в кабинете воцарилась полная тишина. Олж остался один. Он выключил монитор, погружая свой стол в полумрак. Затем откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди, и уставился в потолок, словно на нем могли быть написаны ответы.

Красные маки.

Лана Сафина.

«Феникс».

Обрывки химических формул, которые эксперты так и не смогли собрать воедино. Но у Ланы эти компоненты стояли на полках. Аккуратно промаркированные, расставленные с педантичностью безумца или гения — словно это были обычные специи на кухне.

Все это странным образом сплеталось в единый, тревожный узор.

Тишина начала давить. Олег просидел за столом еще час, просто глядя в потолок, пытаясь разложить в голове все вводные данные.

«Может, в бар сходим?»

Олег вспомнил тот, в котором он и Лана столкнулись два месяца назад. Вспомнил детали, которые тогда отфильтровал как мусор. Как именно она на него смотрела. Как у нее мелко, почти незаметно дрожала линия плеч, а взгляд постоянно соскальзывал с его глаз ниже: на шею, на губы, на руки.

Она действительно пыталась с ним познакомиться. И она хотела его. Физически, по-женски.

Осознание этого факта ударило по Олегу странной волной. Женщина, которая, предположительно, работала с Садовником или сама резала людей и водила за нос все Управление, рядом с ним превращалась во влюбленную дурочку. Для того монстра, которого он прятал за значком майора, это было самым сильным комплиментом в жизни.

Но затем включилось кое-что другое.

Инстинкты следователя взвыли сиреной. В прошлый раз он об этом не подумал, но сейчас...

«Совпадение? В пятимиллионном городе?»

Подозреваемая по самому громкому делу года случайно пьет за одной стойкой со следователем, который на «нее» охотится? Бред. Значит, она его пасла. Вычисляла маршру-

ты. Пришла в тот бар целенаправленно, чтобы посмотреть в глаза человеку, идущему по ее следу.

Он резко выпрямился в кресле.

Нет. Стоп. Вот это уже опасно. Потому что сейчас он пытался превратить обычное женское желание в часть расследования. Не потому что были доказательства. А потому что ему самому этого хотелось, ведь тогда все становилось проще. Тогда его тянуло бы не к случайной женщине, а к существу его собственного уровня.

Лана.

Имя пульсировало в голове в такт с мыслями о Садовнике. Садовник методично «выпалывал» город от грязи, оставляя после себя лишь трупы и ярко-алые маки. А Лана, возможно, умела создавать вещи пострашнее смерти. Быстрый удар кинжалом — это почти подарок по сравнению с тем, что делал с людьми «Феникс».

Время давно перевалило за семь вечера, когда Олег покинул Управление.

Он вернулся домой. Ключ долго не попадал в замочную скважину. В квартире было тихо.

Он поужинал захваченной из магазина готовой порцией еды — не любил готовить. Долго растягивал чашку сладкого кофе. Потом тренировался на перекладине, стараясь вытравить из себя все лишнее физическим напряжением. Душ. Диван. Так и не включенный телевизор.

«Коробки», — резко вспомнил Олег. Коробки с личными

вещами Ланы, что все еще лежали в багажнике «Нивы».

Он быстро переоделся в штаны, водолазку и тонкую куртку, схватил ключи от машины. Входная дверь хлопнула за его спиной.

Чем дальше от центра он уезжал, тем сильнее менялся город: высотки Выборгской стороны сменились глухой ночной темнотой северных окраин. Но стоило миновать круговую развязку, как многоэтажный Петербург внезапно кончился, уступив место респектабельному озерному краю. За окном потянулась престижная частная застройка Озерков — дорогие коттеджи и уцелевшие столетние дачи, утопающие в густых кронах старых лип и надежно скрытые от чужих глаз высокими заборами.

Мысли кружили в голове, словно стая голодных птиц: ее взгляды в допросной, спокойствие, дерзкая улыбка, палец на его носу, боль при виде разгромленного дома, шрамы на руке...

Машина бесшумно скользнула по узкой улочке, миновав пару домов, и Олег остановился в тени старого раскидистого дерева, в паре десятков метров от ее дома. Фары погасли. Двигатель затих.

Глава 6

21:14 Озерки

Олег сидел в машине, неподвижный, как тень. Его взгляд был прикован к окну дома. Руки лежали на руле. Дыхание было ровным, почти незаметным. Он чувствовал себя наблюдателем, который выжидает. Он не собирался стучать в дверь. Не сейчас. Просто хотел быть рядом. Смотреть. Чувствовать.

Вокруг было спокойно. Только редкие звуки ночного города долетали до приоткрытого окна, да где-то далеко лаяла собака. А Олег продолжал смотреть на тусклый свет в окне, словно пытаясь разгадать невидимые линии, соединяющие его и ее.

В доме горел свет. В той самой гостиной, которую так бесцеремонно перевернули вверх дном эксперты.

Лана не спала.

Олег вдавил грудь в рулевое колесо, почти касаясь подбородком побелевших костяшек пальцев — он вцепился в кожаную оплетку так, словно удерживал машину над обрывом. В зазор между тяжелыми шторами гостиная виделась как на ладони.

Его взгляд неотрывно скользил за Ланой, перемещаясь от одного светящегося прямоугольника к другому. Она двигалась плавно, почти гипнотически. Сквозь толщу стекла Олег

наблюдал, как тонкие пальцы методично поднимают с паркета исписанные листы и книги. Вот она подняла тяжелый том, смахнула невидимую пыль и вернула на полку стеллажа. Словно стирала следы чужого присутствия. Похоже, только к сегодняшней ночи у нее хватило сил ликвидировать хаос, оставленный после обыска.

В этой ее холодной, абсолютной сосредоточенности было что-то завораживающее. Она наводила порядок в своем мире, сдвигая границы обратно.

В какой-то момент Лана шагнула прямо к стеклу. Олег замер, инстинктивно вдавив себя в спинку сиденья, и перестал дышать — ему показалось, что ее взгляд направлен точно на его припаркованную машину. Но она лишь потянулась к краю плотной ткани. Секунда — и тяжелый бархат отрезал Олега от теплого света гостиной.

Теперь кино закончилось. Остался лишь теневой театр: плоский темный силуэт Ланы скользнул в сторону кухни, на мгновение застыл — видимо, наливая чай, — и вернулся вглубь комнаты. Тень опустилась на диван. В ее руках угадывался прямоугольник — телефон или небольшая книга.

Олег сидел неподвижно, полностью потеряв связь с реальностью. Наручные часы могли отсчитать хоть час, хоть вечность — время словно завязло в остывающем салоне машины. Внутри шевельнулась липкая, мерзкая мысль: он похож на больного сталкера, одержимого чужой жизнью.

Из этого оцепенения его выдернуло едва заметное движе-

ние у торца здания. Глаз уловил его на периферии зрения. Что-то бесшумно отделилось от темноты, пластично и плавно, точь-в-точь как приготовившаяся к прыжку черная пантера.

Олег резко подался вперед, вглядываясь до рези в глазах. Боковая дверь, ведущая из сада на кухню, бесшумно поддалась. Слабый отсвет из гостиной мазнул по фигуре, выхватив очертания. Высокий. Крепкий. Мужчина. Первое, неестественно осторожное движение незнакомца длилось лишь долю секунды, а затем сменилось стремительным, хищным рывком вглубь дома.

Вся ледяная отстраненность Олега сорвалась в одно мгновение, будто плотина, снесенная шквальным потоком. В груди все взвыло от бешеной, ослепляющей ярости на самого себя и на всю нелепость этой чертовой ситуации: он проспал вторжение, слишком занятый разглядыванием теней на шторах.

Он не помнил, как рванул ручку и вылетел из машины. Не почувствовал, как подошвы жестко, до отдачи в колени, вбились в асфальт. Мыслей не было — тело двигалось само, на чистом, вбитом в подкорку боевом рефлексе.

Сквозь стекло долетел короткий, придушенный крик Ланы. Звук, от которого внутри все окончательно переклинило.

Олег взлетел на крыльцо в один прыжок. Парадная дверь хрустнула в щепки и поддалась от одного слитного, сокрушительного удара плечом.

И на миг, прежде чем время снова запустило свой бешеный ход, Олег увидел гостиную как вспышку полароида — резкую, пересвеченную, застывшую.

Лана на полу. Ее рыжие волосы разметались вокруг как пролитое пламя.

А над ней возвышался он.

Темная куртка. Кожаные перчатки. Надвинутая по самые брови черная шапка и маска на лице до глаз. Его правая рука замерла в наивысшей точке, готовая обрушить выверенный, смертоносный удар. В резком электрическом свете потолочной люстры хищно, маслянисто блеснула узкая полоса вороной стали.

Мизерикорд.

Мужчина резко развернулся корпусом на грохот двери о стену, не опуская кинжала. Свободная рука мгновенно дернулась вверх и натянула шапку еще ниже. Почти до самых глаз. Быстро. Грамотно. Правильно.

Олег бы на его месте сделал то же самое.

Лица его он так и не увидел. Только темный силуэт. Черную ткань. Блеск металла в руке.

— Не двигаться!

Голос Олега лязгнул, прозвучав совершенно чужим. Тяжелый табельный пистолет взлетел на уровень глаз сам собой.

Расстояние между ними было смешным. Три метра. Может, даже меньше.

Столько времени Садовник жил в его голове. Каждый новый труп. Каждый мак. Каждый вызов среди ночи. Каждый отчет экспертов. Каждый спор с Сергеем. Садовник был где-то рядом все это время. Невидимый, неуловимый, почти нереальный.

И вот теперь стоял перед ним.

Настоящий.

На расстоянии нескольких шагов.

На миг все вокруг словно потеряло звук. Осталось только тяжелое дыхание Ланы на полу и собственный пульс в висках.

Вот он.

После всех этих месяцев. После всей этой охоты. Не очередная красная нить, протянутая между трупами. Не угол ударов. Не аналитические сводки.

Вот. Он.

Странное чувство ударило под дых так сильно, что на мгновение стало трудно вдохнуть. Олег должен был почувствовать азарт охоты, злость, удовлетворение — что угодно. Вместо этого пришло совершенно нелепое облегчение. Будто долгие месяцы он искал кого-то в полной темноте и наконец нашел.

Секунды мозг отказывался принимать увиденное. Олег столько раз представлял этот момент, что тот давно превратился в фантазию. И теперь фантазия оказалась реальностью.

Палец, лежащий на спусковом крючке, внезапно онемел. Нужно было нажать. Сейчас. Немедленно.

Любой курсант справился бы. Любой опер. Любой человек.

Но Олег смотрел. Жадно. Почти болезненно. Будто боялся моргнуть. Будто еще секунда — и тот исчезнет. Растворится. Снова станет призраком из папок и протоколов.

Воздух в гостиной превратился в густой, тягучий гудрон. Время свернулось в мертвую петлю. Олег стоял с пистолетом, Садовник замер с занесенным мизерикордом.

Наваждение разорвала Лана.

Резкий, отчаянный взмах ногой — удар пришелся точно под колено убийцы. Садовник отшатнулся. Мизерикорд выскользнул из пальцев и тяжело ударился о паркет.

Этот звук хлестнул по натянутым нервам, как удар бича. Мир сорвался с цепи.

Садовник дернулся назад. Потом вниз, сжимая пальцы. После — снова назад. Будто не мог определиться, что для него важнее: забрать мизерикорд или спастись. Победил инстинкт самосохранения — он рванул к темному проему двери на кухне.

И только тогда Олег вдохнул.

— Стоять!

Резкий разворот корпусом в сторону кухни. Палец вдавил спуск. Грохот выстрела разорвал барабанные перепонки.

Но что-то — глубже разума, быстрее любой сознательной

мысли — дернуло его запястье влево. Пуля ударила в дверной косяк. Щепки брызнули в стороны.

На долю секунды — слишком короткую, чтобы в ней задержаться, но слишком явную, чтобы ее не заметить, — Олегу показалось, что запястье дернула не его собственная рука.

Черная фигура растворилась во мраке ночи, оставив после себя лишь сквозняк из распахнутой двери.

Ноги перестали ощущаться приклеенными к полу. Олег рванул вперед.

— Олег! — крикнула Лана.

Он влетел плечом в дверной косяк, но даже не почувствовал боли. Выпрыгнул в прохладу ночи и замер на ступеньках, с мучительной болью наблюдая, как фигура в черном перелетела штaketник и пропала за кустами.

Олег остался стоять посреди этого хаоса. Рука все еще намертво вцепилась в пистолет Макарова, дымящееся дуло смотрело в пустую темноту. В ноздри бил едкий запах пороха. Сердце колотилось так, что отдавало пульсом в стиснутые зубы.

Он упустил его. Не из-за плохой видимости. Не из-за нечеловеческой скорости Садовника. Он упустил его из-за себя.

Внутри медленно расползлось понимание того, что несколько самых важных секунд в своей жизни он потратил не на задержание. Он просто смотрел.

Олег знал его почерк лучше, чем почерк многих коллег.

Он знал каждую жертву. Каждый адрес. Каждую дату. Мог по памяти восстановить расположение тел и последовательность жертв. Часами прокручивал в голове мотивы, решения, ошибки и успехи человека, которого никогда не видел.

Но одно дело — папки, фотографии и схемы. И совсем другое — увидеть его живьем.

— Блять! — взревел он, ударив ладонью по косяку так, что всадил в ладонь занозу.

Но это захлестывающее, ядовитое разочарование мгновенно разбилось о другую, более громкую реальность.

На полу, хватая ртом воздух, сидела Лана. И секунду назад Садовник собирался пробить ей сердце.

Эта мысль прошла по позвоночнику ледяным ознобом. Олег убрал пистолет. Вместо него в руку лег телефон.

— Майор Волчанов, Главное следственное управление. Вооруженное нападение. Подозреваемый скрылся пешком в сторону лесополосы, минуты две назад. Рост выше среднего, крепкого телосложения, темная одежда, лицо скрыто. Мне нужен весь свободный наряд в радиусе прочесать местность, немедленно. Плюс скорая для потерпевшей, СОГ и экспертов-криминалистов на адрес.

Слова вылетали сами собой. Дать команду, назвать адрес. И в это же время ноги несли его к Лане. Он рухнул перед ней на колени. Она уже успела сесть. Его крупные ладони легли на ее плечи — судорожно, почти грубо ощупывая, проверяя, цела ли она.

— Лана, — голос сорвался на хриплый шепот. От прежней ледяной отстраненности не осталось и следа; он был на самом пределе. — Вы в порядке? Ранены?

Он лихорадочно осматривал ее: лицо, шея, тонкие ключицы, живот... Крови не было. Лишь на бледной коже скулы стремительно наливался розовый след, а ее пальцы мелко, неудержимо дрожали.

— Он вас задел?

— Нет... — она тяжело вздохнула. — Кажется...

— Где болит?

— Олег...

— Где болит?

Он уже ощупывал ее предплечья, плечи, ребра. Быстро, на одних инстинктах. Лишь убедившись, что на светлой одежде не проступает темное, влажное пятно, Олег наконец шумно выдохнул.

— Не сидите на полу, — он аккуратно, но решительно подхватил ее под спину и под колени, поднял и осторожно опустил на диван — будто она была могла сломаться от резкого движения. Лана не сопротивлялась, то ли от шока, то ли от того, что ноги все еще плохо ее слушались. Ее щеки предательски порозовели.

Но взгляд Олега уже скользнул в сторону.

На полу, между опрокинутым стулом и ножкой журнального столика, тускло блеснул металл. Вороненая сталь почти не отражала свет, словно полоска оружия впитала в себя все

тени этой гостиной.

Мизерикорд. Брошенный. Оставленный. Настоящий.

Олег механически выпрямился во весь рост.

Обычный человек увидел бы здесь просто старинный кинжал. Улику. Для Олега же в этой узкой трехгранной полосе металла длиной с ладонь лежали восемь изуродованных трупов, багровые маки, сотни часов пустой работы и четыре месяца жизни, окончательно превратившейся в глухую одержимость. За все это время Садовник не оставил им вообще ничего. Ни единого отпечатка, ни крупички ДНК, ни одной серьезной ошибки. А сейчас его личная вещь лежала всего в полуметре.

Олег поймал себя на том, что смотрит на кинжал уже какое-то время, не в силах оторваться. Ничего особенного: обычный, холодный кусок стали. Но именно им Садовник только что собирался оборвать жизнь Ланы. Возможно, этим же оружием были нанесены удары Гвоздю и всем остальным жертвам.

От этой мысли внутри все болезненно, туго сжалось.

Завтра весь Главк и Следственный комитет будут носить-ся вокруг этого мизерикорда как вокруг святого Грааля. Олег это прекрасно понимал. И именно поэтому желание подойти и поднять его становилось почти невыносимым, до судороги в пальцах. Не ради экспертизы и не для протокола. А просто чтобы почувствовать вес. Провести подушечкой пальца по рукояти. Понять. Хоть что-нибудь наконец по-

нять о человеке, с которым он мысленно разговаривал каждую ночь.

«Нельзя. Трогать нельзя. Сейчас приедут криминалисты».

Он моргнул — и гостиная вернулась.

Олег внутренне зарычал на себя и силой заставил отвернуться. Сначала работа. Сначала Лана. Сначала...

Мысль оборвалась на взлете — Лана вдруг вцепилась в плотный рукав его черной водолазки. Так отчаянно и крепко, будто боялась, что если отпустит, то снова останется одна в этой темноте. Пальцы у нее оказались абсолютно холодными.

Олег тут же сфокусировал внимание на ней.

— Я видела его.

— Что? — Олег опустился на одно колено перед ней, не отдавая себе отчета в этом жесте — лишь бы не нависать сверху, лишь бы ей не пришлось запрокидывать голову, чтобы поймать его взгляд.

— Лицо не полностью. Только часть, — она тяжело сглотнула. — У него глаза голубые. И волосы... рыжие.

Лана быстро, неосознанно вскинула руку к собственной голове, словно сверяясь.

— Не такие, как у меня. Темнее. Меднее. Шапка на секунду съехала, — она говорила торопливо, сбивчиво, будто панически боялась, что это зыбкое воспоминание рассыплется прямо сейчас. — Я не уверена на сто процентов, но... да.

Рыжие.

Олег молчал, мгновенно перемалывая информацию. Голубые глаза. Медно-рыжие волосы. Это напрочь не совпадало с его внутренним образом. Садовник всегда был для него бесплотной тенью, математической функцией смерти. А теперь у этой тени появились цвет глаз и пигмент волос. Где-то на задворках сознания Волчанова защелкали невидимые тумблеры: автоматически начали перестраиваться версии, ориентировки, лица десятков людей, которых они успели перетрясти за последние месяцы.

— Что-то еще? — Олег подался ближе. Сейчас любая, даже самая ничтожная деталь была важнее недели работы целого отдела.

— Он говорил, — в ее глазах мелькнуло что-то странное. Не первобытный страх жертвы, а скорее глубокая растерянность. — Он сказал: *«Садовник может быть только один»*.

В гостиной повисла такая тяжелая тишина, что стало слышно, как на кухне сквозняк мерно покачивает приоткрытую створку окна.

У Олега внутри неприятно, со скрипом сдвинулся какой-то важный внутренний маркер. В этой фразе не было ни извращенной философии, ни «высшего суда». В ней звучало собственничество. Защита своего патента на убийство. О праве на место, которое кто-то посмел занять.

Взгляд снова мазнул по трехгранному мизерикорду на ковре. Все это идеально ложилось на его прежнюю теорию о

задетой гордости убийцы. Садовник пришел сюда не пугать. Не предупреждать. Он пришел забрать ее жизнь.

Голова гудела. Версии с размаху сталкивались друг с другом и рассыпались в пыль. Если Лана работала с ним — зачем этот кинжал был занесен над ее грудью? Если она сообщница — почему ее зачищают? А если она и есть Садовник... то кто тогда стоял здесь несколько минут назад?

Где-то за стеной завывал питерский ветер. Фраза нападавшего намертво засела в мозгу. Олег резко поднялся на ноги и выхватил телефон. Ему нужен был Сергей. Немедленно.

Гудки тянулись бесконечно, плавя нервы. Он бросил взгляд на Лану — та сидела все так же неподвижно, глядя в одну точку. Автоответчик. Внутри Олега закипела глухая, слепая ярость — не на напарника, а на саму ситуацию, на это проклятое бессилие, на то, что в самый важный момент он оказался один.

Он набрал номер повторно, вдавливая пальцы в корпус телефона. Снова взгляд в сторону Ланы — на месте. На шестом гудке трубку наконец сорвали.

— Да, — голос Сергея был хриплым, запыхавшимся. — Олег?

— Серый. Он был здесь.

Тяжелая пауза. На том конце провода было слышно только прерывистое дыхание.

— Кто?

— Садовник.

Молчание оборвалось резким, коротким вдохом.

— У Сафиной?!

— Да.

— Твою мать, — и сразу же, без промедления, на одном дыхании: — Олег, ты цел?

Олег моргнул. Сергей в первую очередь спросил не про маньяка, не про улики и даже не про жертву.

— Нормально.

— Точно? Не ранен?

— Нет, Серый, цел я.

Только после этого Сергей шумно, с облегчением выдохнул в трубку:

— Лана?

Олег обернулся. Огромная белая футболка сползла с одного плеча, собранные в хвост волосы растрепались, а краснота и не думала сходить с ее щеки. Нужно бы приложить лед...

— Жива.

— Слава богу.

— Серый, он кинжал оставил. Мизерикорд.

На другом конце провода что-то с грохотом рухнуло — похоже, Сергей снес что-то из мебели.

— Не трогайте ничего! Вообще ничего руками не трогай, Олег! Я выезжаю.

Связь оборвалась.

Лана легко поднялась с дивана.

— Вы куда? — тут же вскинулся Олег, блокируя ей путь.

— В холодильник.

— Лана.

— Пиво хочу.

Она обошла его и двинулась на кухню так спокойно, словно речь шла не о маньяке, который едва не пробил ей сердце, а о внезапном отключении горячей воды. Олег пошел следом, не спуская с нее глаз.

На кухне Лана открыла дверцу холодильника, достала две бутылки «Старого мельника», одну поставила перед ним на стол.

— Будете?

— Вы сейчас серьезно? — Олег нахмурился.

— Более чем, — крышка бутылки под ее пальцами поддалась с тихим спасительным «пиии».

— Вас только что чуть не убили.

— Не убили же.

— Это не повод пить алкоголь на месте преступления.

— А по-моему — отличный. И это по-прежнему мой дом.

Она сделала один большой, жадный глоток. Затем выдвинула ящик морозилки, достала пакет со льдом и, усевшись за стол, приложила к щеке.

— Кстати, — Лана прищурилась, глядя на него сквозь выбившиеся пряди волос. — У вас руки дрожат.

Олег посмотрел на пальцы, будто они принадлежали кому-то другому. Они действительно мелко вибрировали. И

это был не адреналиновый отходняк после выстрела. Это была чистая физика от одной-единственной мысли: если бы он не приехал, то завтра стоял бы в морге над ее телом. И то, насколько сильно его пугало это открытие, напугало его еще больше.

— Поздно заметили.

Лана вдруг поставила бутылку на стол и, не спрашивая разрешения, взяла его руку в свои — перевернула ладонью вверх.

— А это что? — она свела брови, разглядывая темную точку у основания ладони. — Заноза. Здоровая. Как вы умудрились?

— Дверной косяк, — коротко бросил Олег, слегка дернув пальцами от такого телесного контакта.

Не дожидаясь его реакции, Лана уверенно подцепила занозу двумя ногтями и одним точным движением вытащила. Олег даже не почувствовал боли — слишком был поглощен тем, с каким сосредоточенным, почти врачебным спокойствием она это делает, будто недавно сама едва не умерла.

— Вот так, — она отпустила его ладонь так же внезапно, как взяла, и потянулась обратно за пивом.

Она снова это делала. Включала до неприличия неестественное, пугающее спокойствие. Только черные зрачки затопили радужку, да на бледной шее пойманной птицей билась жилка.

— Я вызвал скорую, — он едва ощутимо коснулся ко-

стяжками пальцев ее покрасневшей, ледяной щеки. Ее прерывистое дыхание обожгло ему кожу.

— Мне не нужна скорая, — она на секунду растерялась. Губы приоткрылись, кончик языка мазнул по нижней губе.

— Это не обсуждается, Лана, — произнес он очень тихо, но с такой тяжелой следовательской интонацией, которая не оставляла пространства для маневра. — Это регламент. Простой осмотр. Я должен быть уверен, что с вами все в порядке.

И он одернул руку. Будто на мгновение позволил себе нечто ненормальное.

Скоро этот дом заполнится людьми, резким светом тактических фонарей, шагами и шуршанием перчаток. Начнется привычная, рутинная работа: протоколы, фиксация следов, бесконечные замеры и вспышки фотоаппаратов.

А пока внутри было странно тихо. Только они вдвоем.

— Расскажите мне, как это было. Все детали, что можете вспомнить. Даже самую маленькую мелочь.

— Я наводила порядок. Потом села на диване, — начала Лана после нескольких глотков. — Читала книгу.

— Какую?

— Детектив, — усмехнулась Лана. — Видимо, концовку теперь так и не узнаю.

— Дальше.

— Я заметила движение сбоку. Он вошел через дверь на кухне. Какой-то мужик, кинжала я сразу и не увидела.

— Дверь была заперта?

— Нет. Даже слегка приоткрыта на проветривание. Там у меня небольшой сад: малина, яблони... Никогда и не представляла, что туда может кто-то влезть.

Конечно, подумал Олег. Заборчик из штакетника с метр высотой, яблони, тихие Озерки и соседи, которые здороваются через забор. В таком месте люди годами не запирают двери, потому что худшее преступление, которое здесь можно представить, — чужой лабрадор, выкопавший клумбу.

Только Садовника совершенно не интересовали правила приличных людей.

— Дальше.

Лана встала, достала из шкафчика пачку сигарет, зажигалку, перенесла на стол пепельницу. Села и закурила. Олег понимал, что запрещать ей бесполезно.

— Дальше... я вскочила, — глубоко затянулась она. — Он ринулся на меня. Кажется, я задела журнальный столик. Или стул. Не обратила внимания. Он дернул за плечо, ударил, я упала. Сказал свою фразочку. И ворвались вы.

Олег представил это: ладонь с размаху скользнула по лицу. Не удар кулаком, а тяжелая, злая пощечина, от которой голова дернулась в сторону, а во рту сразу появился металлический привкус крови. Неприятно и унижительно. Щека горит, челюсть ноет, но ничего серьезного.

Он сцепил зубы, смотря на ее пострадавшее лицо.

— Да ничего, пройдет, — отмахнулась она. А потом вдруг

протянула ему свою бутылку.

— Вы с ума сошли?

— Один глоток. За спасение прекрасной дамы.

— Вы не прекрасная дама.

— А кто?

— Химик.

— Это звучит как оскорбление.

— Это звучит как диагноз.

Лана села, поджав под себя ногу. Огромная футболка мешком свисала с плеч. Домашние клетчатые штаны, босые ступни. Нормальный человек на ее месте сейчас бился бы в истерику или захлебывался слезами. *Нормальный человек.* Олег едва заметно, горько усмехнулся про себя. Они оба не попадали под эту категорию.

Он смотрел на нее сверху вниз, и в груди ворочалось мерзкое чувство полной, абсолютной неправильности происходящего.

На закон, на судебскую шелуху и на абстрактную справедливость Олегу всегда было плевать. Он слишком долго работал в системе, чтобы верить в чистые руки. Но был один неоспоримый факт, за который Олег уважал Садовника. Факт, который заставлял считать этого призрака кем-то особенным, почти родным.

Садовник кормил своего внутреннего зверя исключительно мразями. Тварями, подонками, подошвами человечества, на которых негде было ставить клейма. Это был понятный,

первобытный порядок вещей: хищник рвет только тех, кто заслужил смерть. Олег слишком хорошо знал эту породу, он сам мерил людей по той же шкале.

И сейчас, глядя на хрупкую женщину, его мысли споткнулись. Напасть на нее? На невиновную? Логика хищника дала сбой.

Но этот сбой длился лишь мгновение. Олег слишком много поставил на эту погоню, чтобы вот так просто взять и ошибиться. Признать, что Садовник — обычный поехавший мясник, пришедший мстить из-за репортажа в новостях? Признать, что сотворил себе кумира из банального психопата, а минуты назад сам же помог ему сбежать?

Нет. Это исключено. Садовник не мог так мелко, так глупо облажаться.

И Олег с яростным облегчением уцепился за единственную логичную зацепку — «Феникс».

Лана Сафина — никакая не жертва. Она скрывает что-то по-настоящему страшное. Что-то, за что люди расплачиваются жизнями. Садовник не ошибся. Он просто узнал о ней то, чего пока не раскопал сам Волчанов. Он пришел за ней как за очередной мразью, заслужившей свой приговор.

А фраза «Садовник может быть только один»? Да мало ли что это значило!

Да, совпадение с выпуском новостей выглядело странным, почти невозможным. Но Олегу было жизненно необходимо, чтобы Садовник оставался прав. Потому что если Лана ви-

новна, то в действиях Садовника по-прежнему был высший, понятный Олегу смысл. А значит, и в действиях самого Олега, который только что увел ствол пистолета в сторону, тоже был смысл.

Олег уперся ладонями о стол, нависая над Ланой. Теперь он смотрел на нее иначе. Не как на спасенную девушку, а как на самую сложную, опасную загадку в своей практике. Она сидела со спокойными глазами, и это спокойствие теперь казалось ему зловещим. Отрепетированным.

И самое жуткое было в том, что эта ее гипотетическая вина Олега полностью устраивала. Он не считал Лану «плохой». В ней не проглядывалось той грязной, жалкой гнили, которую он привык презирать в обычных преступниках. Она была другой. Она была пугающе, до одури интересной, и Олег с холодной отчетливостью понимал: его собственного притаившегося Звереныща манила именно эта неразгаданная тьма, которую она так тщательно прятала за банкой пива и растянутой домашней футболкой. Он *не хотел*, чтобы она была невиновна.

— Почему, Лана? — без всяких предисловий вновь напал Олег.

— Не знаю.

— Знаете.

— Может быть.

— Вы вообще хоть что-нибудь можете сказать прямо?

— Могу, — она отпила пива. — Вы мне нравитесь.

Она сказала это прямо в лоб, отсекая все недомолвки. Олегу до першения в горле захотелось забрать предложенную бутылку и сделать огромный глоток пива.

— У вас сотрясение?

— Скорее, помутнение...

Это было дико. Но когда Олег услышал ее крик, внутри не осталось ни следователя, ни аналитика. Внутри была только одна короткая, почти животная мысль: «Успеть».

И сейчас, глядя на неё — живую, растрепанную и пьющую этот свой «Мельник», — Олег с каким-то глубинным облегчением понимал, что успел. А что именно он чувствует к этой женщине, которая одновременно могла варить дома военные психотропы для пыток и смотреть на него влюбленными глазами — с этим он разберется позже.

Если вообще захочет разбираться.

Вдалеке протяжно, разрезая ночную тишину Суздальских озер, квакнула сирена первой патрульной машины. Синие отсветы маяков бешено заплясали сквозь ветви старых сосен, врываясь в окна гостиной.

Олег неохотно выпрямился. Пришлось отступить назад. Маска сухого, циничного следователя привычно вернулась на место, вытесняя лихорадочные мысли о Садовнике и «Фениксе». Он развернулся и пошел встречать тех, кого сам же поднял по тревоге.

Дом стремительно начал наполняться людьми.

Главная входная дверь больше не существовала как пре-

града. Когда Олег высадил ее плечом, девяносто килограммов его веса просто выворотили стальную ответную планку вместе с куском сосновой коробки. Ригель замка заклинило намертво, щепка торчала во все стороны, и теперь полотно висело криво, на одной петле, впуская в прихожую промозглый сквозняк с озер.

— Оружие на предохранитель! — рывкнул Олег на ввалившихся на крыльцо ППСников. — В гостиную не заходить. Один бегом в сад, перекрыть периметр у озера. Второй держит калитку с улицы. Быстро!

Следом загремела скорая.

Лана встретила врачей с тем же бронированным, упрямым спокойствием, с каким десять минут назад открывала пиво. Она сидела в кухонной зоне, поджав под себя ногу.

— Девушка, голову ровно держите, — ворчала немолодая врач, водя узким лучиком фонарика по ее лицу. — Ушиб мягких тканей, зрачки широкие. В стационар надо. Рентген хотя бы сделать.

— Не поеду.

— Гражданка Сафина...

— Не поеду.

Доктор с раздражением посмотрела на Олега. Тот стоял у края стеллажа, засунув руки в карманы штанов — абсолютный хозяин положения, подмявший под себя этот хаос.

— Пишите отказ, — сухо подтвердил он. — Обработайте ссадины и отпускайте. Она нужна мне здесь.

Постепенно пространство дома окончательно превратилось в шумный ментовский балаган.

Гостиная, отделенная от кухни высокими белыми стеллажами, превратилась в сложную систему шлюзов. Эксперты-криминалисты деловито размотали сигнальную ленту, наглухо запечатав периметр гостиной и тот пяточок паркета, где лежал мизерикорд.

Другой криминалист работал на кухне, у распахнутой настежь двери в сад — именно туда рванул Садовник, уходя от преследования. Эксперт подсвечивал косым лучом фонаря пулевое отверстие в деревянной обвязке двери.

— Девять миллиметров, ПМ, — доложил он, аккуратно поддевая щепу зондом. — Вдогонку бил, Волчанов?

— Вдогонку, — отрезал Олег. — Пулю не повреди. Извлекай в контейнер.

Лана, отделавшись от медиков, сидела за кухонным столом в своем бумажном «бункере». Полки стеллажей были забиты книгами под завязку: плотный, тяжелый массив из корешков, картона и типографской бумаги почти не оставлял просветов, работая как полноценная стена. Из-за книг ей не было видно ни мизерикорда, ни лиц экспертов — толькодвигающиеся тени да резкие, больнично-белые всполохи фотовспышки, которые рикошетили от потолка и тонкими иглами пробивались сквозь редкие зазоры между томами. Но она все слышала: мерзкий шорох разматываемой пластиковой ленты, скрип пола под чужими тяжелыми подошвами и

сухой шепот магнитной пудры, лежащей на поверхности мебели и техники. Только сегодня она вычистила этот дом. И вот опять.

Олег стоял в гостиной и надиктовывал ориентировку:

— Рост примерно метр восемьдесят. Телосложение спортивное. Одежда темная. Лицо скрыто маской, черная шапка. Со слов потерпевшей — рыжие волосы, голубые глаза. Да, так и пиши. Перекрывайте выезды, платформу «Озерки» и ближайшие станции. Выполнять.

Очередная вспышка. Олег вновь зацепился взглядом за трехгранный клинок за желтой лентой. В груди ворочалась тяжелая, душная ревность. Это был его призрак. Его охота. Его личная, постыдная болезнь. А сейчас это идеальное оружие трогал чужой человек.

В этот момент изувеченная главная дверь грохнула об косяк.

В дом влетел Сергей.

Без куртки, с расстегнутым воротом черной рубашки, взлохмаченный, запыхавшийся. Видимо, бросил машину прямо в колее на подъезде к дому и бежал оставшиеся метры. Он тяжело, со свистом дышал, дикими глазами сканируя пространство. Наткнувшись взглядом на Олега, Сергей сначала замер, затем шумно выдохнул.

Он шагнул вплотную к Олегу, вцепился пальцами в лацканы его куртки и дернул на себя. Телефонный разговор — это одно, а живой Волчанов перед глазами — другое.

— Точно цел? — выдохнул он в самое лицо. От него разило бензином и озерной сыростью.

Олег позволил чужим пальцам прощупать плотную ткань.
— Точно.

Сергей разжал руки. Его взгляд метнулся за желтую ленту — туда, где в белом пятне экспертного фонаря лежал трехгранный клинок. По телефону Вознесенский воспринял это как сухую вводную, но сейчас, глядя на тусклую вороненую сталь вживую, он буквально застыл.

— Оставил... — прошептал Сергей. — Сука. Реально оставил.

И в эту же секунду его ноздри хищно дернулись. Олег знал этот рефлекс: Серый только что вычленил из запахов перекиси, старой книжной пыли и озерной сырости тот самый, ни с чем не сравнимый кисловатый осадок сгоревшего нитроглицеринового пороха.

Взгляд Сергея мгновенно метнулся на кухню — туда, где криминалист подсвечивал развороченную щепу дверной коробки.

Сергей медленно, как в замедленной съемке, повернул голову обратно к Олегу. В его зрачках отразился чистый, незамутненный ступор.

— Ты стрелял? — это был даже не вопрос, это была констатация немыслимого факта.

— Вдогонку, — ровно ответил Олег. — Он уходил через сад. Я зацепил косяк.

Сергей подался еще ближе, и заговорил быстрым, яростным шепотом, который тонул в сухих щелчках фотоаппарата:

— Олег, черт подери... Ты что вообще здесь делал? Время — почти одиннадцать ночи! Наружки нет, объект официально снят с контроля. Какого хера ты дежурил под ее забором?!

Внутри у Олега мгновенно, со щелчком, опустилось забрало. Что сказать? *«Я нас ее просто потому что»*?

— Про коробки вспомнил, — Олег выдержал этот безумный рентгеновский взгляд, даже не моргнув. — Решил завезти. Да и чуйка сработала.

— Чуйка у него, — прорычал Сергей. Пальцы капитана, снова вцепившиеся в рукав Олега, мелко вибрировали. — Ты хоть понимаешь, что сейчас начнется? Это первый физический контакт с ним за все время, Олег! Он из плоти, сука... Он материальный! Ты по нему бил! Ты его вблизи видел. Глаза видел?

— Не видел. Лана видела. Голубые. Сам рыжий.

Сергей на смешно завис, словно суррикат, затем усмехнулся, хотя в его глазах не было веселья.

— Теперь я тоже в списке подозреваемых? Отлично.

Олег не ответил, так как они вышли на кухню, и его взгляд вновь наткнулся на Лану. Она смотрела на него в ответ, словно и не переставала наблюдать за ним.

— Алана, — кивнул Сергей, приблизившись к небольшо-

му круглому столу. Посмотрел на новую бутылку пива. — Рад, что вы в порядке. За личико неприятно, конечно, сожалею. Но мне нужно взять показания у майора. Не могли бы вы оставить нас на несколько минут? Затем мне нужно будет взять у вас официальные показания. Детальные.

Он достал планшет в ударопрочном чехле, стилус. Голубоватая подсветка экрана обострила его скулы.

Олег заметил, как ее внимательный взгляд скользнул по растрепанным вихрам волос Вознесенского. А затем она нехотя поднялась.

— Пожалуйста. Чувствуйте себя как дома.

И она обогнула стеллаж, уходя в зону гостиной. Приватностью здесь и не пахло, она вполне могла слышать весь разговор.

— Так, Олег. Эксперты работают, к кинжалу не лезем. А ты сейчас свидетель и герой—стрелок. Поэтому начинаем бумажную работу, пока районные нам тут все окончательно не загадили.

Сергей открыл чистую форму опроса.

— Давай по порядку.

Олег понял, что наступает самая неприятная часть ночи. Потому что объяснить, зачем он почти час сидел в машине под окнами бывшей подозреваемой, было гораздо сложнее, чем стрелять в Садовника.

— Так. Волчанов Олег Викторович. Время прибытия к дому Сафиной?

— Около девяти вечера, — ровно ответил Олег.

Он сидел, опираясь предплечьями о столешницу. Взгляд сам собой скользнул мимо Серегиного плеча — туда, в просветы белых полок. Лана не ушла в дальний угол. Сквозь выставленные в ряд тома по органической химии Олег отчетливо видел пятно ее ярких волос. Слышимость была практически абсолютной.

— Дальше.

Стилус застучал по стеклу. Сергей писал быстро, привычно сокращая слова.

— В 22:03 увидел в окно неизвестного.

— Хорошо, — Сергей даже не поднял головы. — А с девяти до десяти что делал?

Олег промолчал.

Там, за книгами, мгновенно перестали шуршать. Олег кожей почуял это внезапное, жадное затишье.

Сергей оторвал взгляд от экрана.

— Олeж?

— Сидел, — неохотно выдавил он.

— Где?

— В машине.

— Час?

— Почти.

— И чем занимался?

— Думал.

— Целый час? У дома бывшей подозреваемой? — в голо-

се Сергея прорезалось то самое чистое, дистиллированное процессуальное недоумение.

— Да.

— И смотрел в окно?

Олег снова промолчал. Из-за стеллажа донесся тихий, прерывистый звук — будто кто-то торопливо зажал себе рот ладонью. Волчанову захотелось взять со стола эту недопитую бутылку пива и запустить в стену.

Сергей с отчетливым сухим стуком отложил стилус на край стола.

— Ты сидел час и пялился в окно? — Сергей чуть понизил голос, но в гулком пространстве это прозвучало только рельефнее.

— Серый... — предупреждающе набычился Олег, кончиком пальца ткнув в ручку, чтобы выровнять ее параллельно планшету.

— Нет, я просто должен понять. Для материала.

— Проветривал голову.

Сергей смотрел темным, тяжелым взглядом, в котором читалась вся скорбь следователя, которому завтра в девять утра предстоит объяснять генералу, почему его лучший важняк работает в режиме пригородного маньяка-вуайериста.

— Ты больной, — констатировал Сергей.

— Сам знаю.

— И что ты там высматривал?

Олег бросил быстрый, злой взгляд на книжную полку. Ему

показалось, или в щели между томами мелькнули смеющиеся глаза?

— Пиши дальше, — процедил он сквозь зубы.

— Нет, подожди. Это Сан Саныч читать будет. Мне генералу что в утреннюю сводку класть?

— Пиши.

Сережа безнадежно выдохнул, снова пододвинул к себе планшет и ожесточенно застучал по экрану:

— Ладно... *«В связи с эмоциональным напряжением осуществлял прогулку на автомобиле».*

— Пошел ты, — без злобы, чисто ритуально пообещал Олег.

— Не могу, — Сергей даже бровью не повел, методично вбивая строчки. — Я протокол веду. Ладно. С лирикой закончили. 22:03. Появление объекта, Олег. Что видел?

Олег потер переносицу. После адреналинового пика в висках начинало пакостно пульсировать. Чтобы немного привести себя в чувства, он разгрыз кофейное зерно.

— Увидел движение возле двери. Он зашел отсюда, — он кивнул на дверь в двух метрах от них, рядом на коленках ползал эксперт, замеряя размер подошвы Садовника. — Пока из тачки выпрыгнул, пока добежал — он уже был рядом с Сафиной, по звукам — борьба. Высадил входную плечом, захожу...

Олег запнулся. Внутри, под ребрами, снова шевельнулось то самое короткое, но тошнотворное чувство бессилия.

— И? — поторопил Сергей.

— Картина маслом. Сафина на полу. Этот над ней. Одет во все темное, на лице маска. В правой руке кинжал, замах от плеча. Я ему ору: «Стоять!». Он вместо того, чтобы бить, дергается шапку ниже натянуть. И тут Сафина снизу выдает ему в колено.

Стилус Сергея остановился. Капитан поднял глаза:

— Сама?

— Сама. Четко зашла, под чашечку. Он поплыл, кинжал выронил. И дальше начался цирк. Он встал в позу суслика, Сереж. Завис над ковром и не мог решить: то ли ему за кинжалом нагибаться, то ли шкуру спасать. Обычный паникер на адреналине. Он ломанулся обратно на кухню. Я за ним. Нажал спуск один раз, навскидку. Мимо. На вылете в сад собрал плечом дверную коробку, пока ловил баланс — он уже в кустах растворился. Все.

Собственные слова вызвали горечь на языке похлеще, чем от зерна.

— Один выстрел? — уточнил Сергей, возвращая стилус к экрану.

Олег кивнул.

— Ну, со стрельбой у тебя всегда были проблемы...

Вознесенский, подавив зевок, быстро застучал по экрану, упаковывая чужой животный ужас в резиновые формулировки УПК: *«на законное требование сотрудника правоохранительных органов не отреагировал, совершил попытку»*

ку скрыться...».

— Готово. Твоя часть вшита.

Он повернулся к книжным полкам и громко, официально позвал:

— Алана Андреевна! Прошу вас. Теперь ваша версия.

Олег освободил для нее место, и горгульей замер возле холодильника. Тоскливый взгляд скользнул по темноте сада через открытый проем двери.

Если завтра Садовника случайно задержат опера из другого отдела, он взбесится. Если его вычислит ФСБ — взбесится. Если дело заберет Москва — тоже.

Нормальному следователю должно быть плевать. Главное — результат. Главное — чтобы убийцу нашли.

Но Олегу было не плевать. Он собирал образ этого человека по кускам. По фотографиям из морга и заключениям экспертов. Он слишком долго шел по этому следу. И теперь мысль о том, что кто-то другой может оказаться первым, вызвала раздражение.

Олег не знал, что будет делать, когда наконец найдет Садовника. Правда не знал. Обычно он всегда видел финал расследования. Здесь — нет. Будто за дверью, к которой он шел эти месяцы, ничего не было видно.

Он не хотел арестовывать его. Не хотел суда. Он жаждал просто... заглянуть в его глаза. Поговорить с ним на равных. Но как это сделать? Он обязан был расследовать дело. Каждая улика принадлежала не ему лично, он не мог скрыть ни-

чего, ему приходилось писать рапорты, давать объяснения, вносить все в базу.

Олег запутался, как ему поступать дальше. Но одну вещь он понимал совершенно ясно. Когда эта дверь откроется, рядом не должно быть никого. Только он и Садовник.

Он заметил, как Лана немного сместила стул. Теперь она сидела не спиной к нему, а вполоборота, что давало возможность видеть его.

— Я сидела, читала. Время было около десяти. Увидела краем глаза движение. Там он. Вскочила. Дернулась в сторону, он побежал, схватил за плечо, ударил меня. Я упала, он замахнулся. Сказал: «Садовник может быть только один». Олег выбил дверь, и этот человек замер. Я пнула. Он обронил кинжал. И побежал к кухне. Олег за ним, стрелял. Хотел побежать следом, но я крикнула, потому что испугалась за него. Мало ли у него тоже был пистолет... И все.

Ее рассказ лился ровно, без пауз, словно она боялась забыть хоть одну деталь. Сергей только успевал быстро водить стилусом по экрану.

«Я испугалась за него».

Олег невольно выпрямился. И встретился с ней взглядом. Спокойным. Будто она сказала что-то совершенно очевидное.

— Майор! — из гостиной выглядывал криминалист.

— Можно вас на секунду? Тут с мизерикордом вопрос.

Олег недовольно выдохнул.

— Что еще?

— Да подскажите, как упаковывать будем. Отдельным номером или к основному?

— Сейчас.

Он еще раз посмотрел на Лану и вышел в гостиную.

Двое экспертов склонились над полоской вороненой стали, тихо споря между собой.

— Я говорю, отдельно вести.

— А я говорю, в рамках осмотра... — второй эксперт упрямо мотнул головой, не отрывая взгляда от клинка.

— Майор, как правильно?

Олег потер бороду.

— Отдельно. И аккуратнее, ради Бога.

— Да мы аккуратно, — обиженно буркнул первый, уже натягивая свежую пару перчаток.

— И фотографии еще раз сделайте.

— Уже.

— Еще раз.

Пока эксперты ворчали, он машинально оглянулся. По дому гулял сквозняк, и плечи Ланы едва заметно подрагивали. Он подхватил с кресла пушистый плед.

— Удивительно, — донесся до него голос Ланы. — Вы почти один в один похожи на Садовника, а майор Волчанов даже бровью не повел, чтобы хоть как-то вас проверить. Вы давние напарники?

— Следователь—маньяк — это клише из фильмов. Скуч-

но и неинтересно, — прозвучал ответ Сергея. Он чуть наклонился к ней над столом. — А еще у моего напарника есть одна черта. Он хороший следак. Будет докапываться до сути до победного. Но когда дело касается близких ему людей, он становится *абсолютно слеп*. Даже если бы я убил прямо на его глазах, он бы нашел мне сотню оправданий.

Олег только поморщился, вернувшись на кухню. Небрежным движением набросил плед на плечи Ланы. Она ответила на этот простой жест таким благодарным взглядом, что Олег мгновенно отвернулся к Сергею.

— Серый, хватит трепаться. Закончил?

— Почти.

— Тогда заканчивай.

— А чего ты рычишь? Ревнуешь, что ли?

Олег смерил его тяжелым взглядом.

— К работе ревную. Пиши.

И ведь самое смешное — Олег действительно даже не подумал о Сергее. Ни на секунду. Лана описала голубые глаза. Рыжие волосы. Телосложение он сам видел. Да и рост примерно подходил.

Но мысль даже не возникла. Потому что это был Серый. Его Серый. Его лучший друг. Единственный человек, который знал, как пахнет детдомовская столовая. Кто вытаскивал его из драк, а потом сам же лез вместе с ним в новые.

Он знал Сергея лучше, чем самого себя. Нет, даже не так. Сергей был частью его самого. Заподозрить его означало бы

признать, что все эти годы он жил рядом с чужим человеком. Что не понимал того, кого считал братом. Что ошибался.

А Олег Волчанов мог ошибиться в подозреваемом. В свидетеле. Даже в самом себе. Но не в Серее. Не в своем правильном напарнике.

Поэтому, когда Лана перечисляла приметы, мозг даже не попытался связать их с Вознесенским. Некоторые версии не отбрасывают. Их просто не существует.

Сергей дал Лане планшет, дождался, пока она поставит подпись, и убрал его в чехол.

Лана поднялась со стула, осторожно потрогала щеку, поправила плед на плечах, и с плохо скрываемым раздражением оглядела свой дом, превращенный в филиал районного отдела.

— Да уж... — пробормотала она. — В фильмах приезжают, фотографируют, находят отпечатки и через пятнадцать минут торжественно арестовывают убийцу. А вы сколько тут копаться собираетесь? Мне вообще-то на работу утром.

Молодой криминалист, стоявший на коленях за порогом двери на кухне, хмыкнул:

— До утра и будем.

— До утра?! — Лана возмущенно округлила глаза. — Вы серьезно?

— Лана, тут покушение, а не затопление соседей, — устало заметил Сергей. — Мы еще двор не осмотрели, следы обуви вон только снимают, обход не сделали, камеры соседские

не собрали. Так что привыкайте. Сегодня это не ваш дом. Сегодня это место происхождения.

Лана с несчастным видом посмотрела на книжные полки.

— Я только сегодня закончила уборку...

— Сочувствую, — совершенно серьезно кивнул Сергей.

— И что, вы теперь будете всю ночь топтаться по моему паркету?

— Будем.

— А если я вас всех выгоню?

Сергей расплылся в улыбке.

— Тогда майор Волчанов посадит вас под домашний арест.

Олег вернулся к нему.

— Серый.

— Что «Серый»? Я успокаиваю потерпевшую.

— Не неси чушь.

— Вот видите, Лана, — доверительно понизил голос Сергей. — А говорят, у нас полиция не работает.

Лана задумчиво посмотрела на Олега, потом на Сергея.

— То есть, если я начну буянить, меня будет охранять лично майор Волчанов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.